ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й
№ 113 (4036)
СУББОТА,
24
СЕНТЯБРЯ
1966 г.
ЦЕНА 4 коп.

800-ЛЕТИЕ РУСТАВЕЛИ

Портрет Шота Руставели работы народного художника Грузинской ССР, лауреата премии Шота Руставели Л. Гудиашвили.

ВЕНОК ПОЭТУ:

И. АБАШИДЗЕ, М. БАЖАН, Э. ГЕНРИ, Н. ЗАРЬЯН, М. КВЛИВИДЗЕ, К. КРАУЛИНЬ, К. КУЛИЕВ, В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, С. РУСТАМ, Н. ТИХОНОВ, С. УЛУГ-ЗАДЕ. Арман ЛАНУ и Екатерина ТОЛСТАЯ, Джеймс ОЛДРИДЖ

Публикация: из архива К. БАЛЬМОНТА

ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ

Ираклий АБАШИДЗЕ

Он жил восемьсот лет назад, когда могущественным Грузинским государством, считавшим себя политическим и культурным наследником Византии, правила «богоподобная» царица Тамар. Мы знаем примерную дату рождения поэта — 60-е годы XII столетия, знаем, что он принадлежал к высшему феодальному кругу, занимал одно время должность государственного казначея при царском дворе и был автором поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Мы видели в иерусалимском Крестовом монастыре, основанном в IV веке грузинами, изображение редкой ценности: между фресками Иоанна Дамаскина и Максима Исповедника, под позднейшими слоями был открыт портрет Шота Руставели...

На протяжении многих веков вокруг этого имени шла ожесточенная борьба. Прогрессивно мыслящие люди (в числе их был ученый, толкователь «Витязя в тигровой шкуре» царь Вахтанг VI), выражая чувства и стремления всего народа, поддерживали идеи и мировоззрения великого поэта. Клерикальные круги всячески старались умалить значение творчества Руставели, объявить его автором «злых» стихов, развращающих народ. Но не было силы, которая могла бы отнять у Грузии поистине гениальное произведение Руставели, ибо это означало отнять у народа душу. До наших дней сохранил, донес грузинский народ в своей памяти, в своем сердце «Витязя в тигровой шкуре». Часто говорят (и вполне резонно): чтобы со всей полнотой понять эту поэму, надо хорошо знать Грузию. Однако можно, не посягая на истинность вышеприведенных слов, утверждать и следующее: чтобы понять Грузию, надо хорошо знать творение Руставели...

Не так уж много подобных примеров слияния поэта с нацией и нации с поэтом можно найти в истории всемирной литературы. Вот почему восьмисотлетний юбилей вечно юного песнопевца является подлинным праздником не только для грузинского народа и не только для народов нашего многонационального Союза, — творчество Руставели дорого всем, кто борется за великие идеи гуманизма, прогресса, братства, за истинную любовь и торжество человеческого разума. Вот почему люди самых разных эпох считали Руставели своим современником, как считают его своим современником и граждане эпохи социализма. Нет сомнения: таким же он останется для людей на протяжении многих-многих веков.

И вместе с тем Руставели — подлинный сын своего времени, хотя идеи его, поэма его и опередили развитие человеческой мысли на несколько столетий. Его произведение родилось из великих традиций многовековой грузинской культуры.

Достаточно окинуть хотя бы беглым взором грузинскую культуру эпохи Руставели, чтобы убедиться в ее многообразии и размахе. В Грузии функционируют два академии, в которых слушатели получают универсальное образование. В стране и за ее пределами расцветают крупные очаги грузинской культуры, создаются блестящие образцы духовной, светской, исторической и философской литературы. Высокого развития достигают архитектура, живопись, музыка.

Грузия времен Руставели — это страна, самую суть культуры которой составляет гуманистическая, духовная устремленность и исторический горизонт которой уже озарен отблеском наступающего Ренессанса.

Венцом же этой культуры является поэма «Витязь в тигровой шкуре». В ней намечен и воспет высокий, благородный для того времени идеал человека. Герой «Витязя в тигровой шкуре» является олицетворением — на редкость живым и полнокровным — самоотверженной дружбы, цельности и стойкости натуры, непреклонной воли, возвышенной и чистой любви, благородства и героизма, мудрости и доброты. Трудно найти произведение, в котором человеческая психология раскрывалась бы с таким богатством, глубиной и тонкостью, как в «Витязе в тигровой шкуре». Трудно найти произведение, автор которого так самозабвенно наслаждался и восхищался бы красотой человеческого духа и облика. Руставели возвысил и восторженно воспел человеческий разум — факт почти исключительный в средневековой литературе.

Конечно, поэт не мог быть ни материалистом, ни атеистом. Для него и любовь, и разум даны человеку свыше, дабы с помощью этих дарований осуществилось единение человека с богом. Но не этот религиозно-философский постулат играет решающую роль в поэме, а тот результат, который приносят с собой истинная любовь и торжество разума: земное счастье, соединение двух влюбленных пар, а не мистическое слияние с богом или поиски смысла существования в загробной жизни.

Прелесть и притягательная сила поэмы «Витязь в тигровой шкуре» — в ее воинствующем и светлом гуманизме. Добро, по мысли поэта, восторжествует, зло будет повержено исключительно благодаря активности людей. Человек становится истинным Человеком только в результате деятельной жизни, а не пассивной созерцательности. Победить зло — вот в чем заключается призвание человека...

«Витязь в тигровой шкуре» — одно из немногих произведений в мировой литературе, которое можно читать каждый раз по-разному. Читатель любого уровня и интеллекта найдет в этой удивительной поэме свой собственный, понятный, близкий и соответствующий его жизненным или духовным стремлениям «план», но неизменно возвышающий, облагораживающий. Для неискушенных это увлекательная повесть о прекрасных влюбленных, о героических делах трех побратимов; для мудреца это сказ о высших принципах бытия. А между этими двумя категориями стоим мы — простые читатели «Витязя в тигровой шкуре», которые черпают из этой поэмы великую житейскую мудрость и познают ответственность и красоту человеческого назначения на земле. И имя нам — легион.

ТБИЛИСИ

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ВЕПХИС ТКАОСАНИ»

Николай ТИХОНОВ

Когда перечитываешь «Витязя в тигровой шкуре», всякий раз поражаешься поэтическому многообразию, жизнелюбивой силе, которой дышит поэма. Рожденный много столетий назад, поэтический эпос живет и в двадцатом веке — современный человек прислушивается к поэту, как к своему собеседнику. Когда Руставели говорит: «что припрячешь — то погубишь, что раздашь — вернется снова», — это звучит и сегодня.

Поэма Шота Руставели принадлежит всему человечеству, она вошла в собрание самых замечательных памятников мировой поэзии, но грузинский народ особо сохранил ее в своем сердце и в своей памяти.

Сколько блестящих произведений древности не дошло до нас, бесследно исчезло вместе с именами их творцов! Здесь же на протяжении веков из рук в руки передавалась как эстафета памяти и любви «Вепхис ткаосани» — «Витязь в тигровой шкуре».

Не потому ли, что поэма была лучшим образцом грузинского языка, а в характерах ее героев народ увидел лучшие качества грузинского народного характера?

Грузинский народ не относил героев поэмы к тому или иному грузинскому роду или племени, не отождествлял их с какими-либо сановными прославленными особами давно минувших времен. Нет, народ узнал себя в этих героических характерах. Ему полюбились, как родственные души, эти люди — мужественные, человечные, ищущие справедливости и правды. Герои поэмы стали любимыми, вошли в душу народа.

В далекие годы страшных бедствий, которые все сильнее и сильнее терзали страну, светлые образы поэмы были душевным утешением, надеждой, духовным подкреплением измученным людям.

Поэма стала настольной книгой, звучавшей сильнее драматических страниц летописей, громче песен, голосов всех других поэтов, заглушенных громами вражеского угнетения.

Грузия между арабско-сельджукским владычеством и нашествием монголов пережила действительно подъем своей культурной и экономической жизни.

Не будем приукрашивать эпоху, полную кровопролитий, феодальной дикости, власти силы. Но даже сделав поправку на жестокость и суровость времени, мы увидим владык, желавших объединения страны, владык, вроде Давида Строителя, много сделавшего для расцвета Грузинского государства. Можно говорить о мировом значении Грузии во времена царицы Тамар, о росте культуры и экономики, которые в то же время, при развитии торговли и росте городов, расшатывали систему натурального хозяйства и подрывали основы феодализма. Купцы начали играть роль ростовщиков, снабжавших деньгами высших сановников. Наследники царицы Тамар, несомненно, желали, чтобы благоденствие и довольство среди подданных росли. Но эта эпоха процветания заняла всего сто лет с небольшим.

А потом упала долгая ночь, в которой чужеземные поработители сознательно уничтожали все признаки грузинской культуры, разрушали все, созданное трудом высоких мастеров, истребляли книги поэтов и философов, работу летописцев, сжигали и поэму Руставели, но она была неистребима.

Замечательный народный поэт Грузии Георгий Леонидзе, вспоминая те времена, вдохновенно восклицал, обращаясь к поэме Шота Руставели:

Ты одна в ночь светила нам,
Вековую, отчаянную.
Все сокровища отняли —
Ты же непохищаема...

Тебя жгли — пламенела ты,
И в огне не сгоравшая,
И тебя не развеяли
Вихри, лесом игравшие.

Поэму давали в приданое девушкам Грузии, она стала мечом и щитом прадедов. Ее заучивали наизусть. Она жила и в хижине крестьянина, и в доме феодала, мечтавших об освобождении угнетенной родины.

Поэма слилась с жизнью народа. Она жила своеобразной жизнью. Как книга с увлекательными стихами и как источник воспитания, кодекс чести. Она стала сборником нравственных правил, укрепленных народными обычаями.

Потом ее стали исследовать ученые. Они и сейчас ищут первоначальной точности, находят приписки, сделанные в позднейшие времена по разным соображениям, обнаруживают неправильности, внесенные переписчиками, искажавшими строки, не понимавшими истинного значения тех или иных понятий и слов.

Изучая биографию поэта, искали и ищут документы и факты, способствующие разгадке тайны, окружающей рождение, жизнь и смерть Руставели, хотят установить даты, проследить жизненный путь поэта.

А между тем отдельные строки поэмы стали пословицами, поговорками, афоризмами, крылатыми выражениями. В быту, в жизни они переходили из поколения в поколение. Именами Тинатин и Нестан-Дареджан стали называть дочерей, и называют даже в наше время.

В искусстве создано много произведений на темы героического эпоса Руставели. Разрабатывают новые проекты памятника великому создателю «Витязя в тигровой шкуре». В кино сейчас готовят документальный фильм, где наподобие Нибелунгов явится широкому зрителю впечатляющая эпопея о героях грузинского эпоса. В театре есть уже пьесы в стихах и в прозе, где авторы пробуют создать большой народный спектакль.

В музыке звучат мелодии, рожденные поэмой. Поэты пишут стихи, посвящая их Шота Руставели. Ираклий Абашидзе написал сильную поэму «Палестина, Палестина...» — о последних днях жизни великого поэта.

Растут новые переводы поэмы на языки народов Советского Союза. Ее переводят и за рубежом.

...Я очень люблю Грузию. Странствуя по этой неповторимой стране, вы не можете не обратить внимание на несчетное количество развалин замков, крепостей, церквей. Руины смотрят на вас со всех окружающих холмов и высот.

Поднимитесь к этим стенам, возведенным трудом и уменьем над отвесами скал, над быстрой рекой, подивитесь виду, который открывается с этой высоты, выбору места, искусству создателей. Сейчас запустение в пустынных стенах, ветер сметает паутину с камней, летучие мыши висят, как пыльные, серые мешки, головами вниз с высокого свода.

А во времена Руставели... Все эти замки, крепости, церкви были целы и в полной сохранности, в действии; содержавшиеся в порядке дороги приводили в большие города, где на базарах можно было найти товары со всего тогдашнего мира. Непрерывно возводились новые здания. Архитекторы были передовыми людьми в своем искусстве. Они строили на века. Они могли создать крепости и храмы, поражающие своей красотой, и дворцы, не уступающие лучшим образцам Востока и Запада.

Академии были и в Гелати, и в кахетинском Икалто. Молодые люди ездили учиться наукам и искусствам в Грецию. Царь Давид Строитель соорудил для них, ученых людей, специальный дом в Тбилиси, где они сходились для диспутов и лекций.

Горожане и крестьяне отнюдь не были забитыми людьми. Не будем преуменьшать трудности тех времен. Эпоха была жестокая, суровая, и за счет побед и походов, за счет феодалов, подвергшихся опале, богатели цари, их приближенные и вассалы.

И все же народное хозяйство приносило урожаи, а торговля в городах процветала, пока не пришли черные годы разорения...

В таком мире родилась поэма Руставели. И тут же натолкнулась на происки и преследования светских, духовных феодалов. Потому-то нет о ней упоминания во многих документах того века.

Слава и настоящее признание пришли, видимо, после смерти поэта. Но зато по прошествии времени никакая книга не могла уже сравниться с поэмой. «Витязь в тигровой шкуре» начал большую жизнь, которая продолжается до сегодняшнего дня.

Конечно, никакой самый смелый астролог в день ее появления не смог бы предсказать, какая судьба ожидает ее создателя и его родину, такую цветущую и сильную. А судьба ожидала и поэта, и Грузию трагическая, непомерно жестокая.

Монголы, Тамерлан, завоеватели-османы. Иранские шахи, нашествия, безотрадные времена, безнадежные годы, поражения и победы, распад государства...

И сквозь строй этих длинных, нескончаемых лет бедствия народного проходит имя Шота Руставели, и никогда не меркнет слава его творения. Как будто заботливая рука народа хранит его, как самое драгоценное — как свободное, светлое, народное слово, выражение лучших чувств грузинского народа.

Давид Гурамишвили через шесть веков после Руставели напишет совершенно искренне в своей книге «Давитиани»:

В дни былые ритор Шота,
Муж, искусный в этом деле,
Вывел древо стихотворства,
Несравнимое доселе.
Взрыли корни глубь земную,
На ветвях плоды созрели.
Много знал я стихотворцев, —
Нет подобных Руставели!

(Перевел Н. ЗАБОЛОЦКИЙ)

Да, все последующие поэты Грузии могут присоединиться к голосу Гурамишвили. Искусство стиха, созданное Шота Руставели, — великое, неповторимое. Кроме искусства рассказа и искусства создания характеров, Руставели положил начало гуманизму, и этот голос прозвучал из глубины веков, как призыв восточного Возрождения, призыв к будущему.

Этот голос гуманиста XII века вплетается сегодня в голоса поэтов многих народов, ищущих дружбы и мира, борющихся с угнетением и несправедливостью.

Недаром говорится в поэме Руставели о том, что сердце, дух и ясный разум — звенья единой цепи.

Поэт взывает к человеческому — внутренний мир его героев явно привлекает все вдохновение автора. Равенство мужчины и женщины — яркое свидетельство такого устремления поэта, которое не может не идти вразрез со всеми установлениями его мрачного века.

Какое-то языческое начало усмотрели его гонители в разгневавшей их поэме, попиравшей и церковные, и светские установления! Но это не было воскрешение античной языческой прелести, философского соблазна, привезенного из далеких Афин.

Новые Афины в Гелати не получились, но зато новая истина родилась задолго до появления первых людей европейского Возрождения.

И мы благодарны Шота Руставели за то, что он явился тем провидцем, который во весь голос заявил миру о праве человека на свободу, на дружбу и любовь, на верность родине.

Он написал обращение к будущему, к людям, которые будут жить после него и тоже, как он, верить в то, что будущее новых поколений будет более человечным, более добрым, более мудрым.

Перечитывая Шота Руставели в наши дни, нельзя не задуматься вновь над судьбой поэта.

Даже его физический облик неизвестен миру. Тот портрет, что найден в Крестовом монастыре в Иерусалиме, представляет нам старца в коленопреклоненной позе перед прославленными фигурами византийских духовных владык, в одежде и шапке дидебула (знатного феодала), скромно умоляющего о прощении грехов.

Нашему воображению облик великого поэта и мыслителя представляется совсем иным. Тот, кто создал бессмертную поэму, книгу о красоте человека, является нам во всем блеске силы и душевной прелести, подобным одному из своих любимых витязей. Он сам — витязь, вышедший на бой с жестоким, мрачным временем и победивший его!

И мы сегодня вместе с ним приветствуем эту бессмертную победу!

60 ЛЕТ Д. Д. ШОСТАКОВИЧУ

СОВРЕМЕННИК

Е. МРАВИНСКИЙ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

...Великие творцы были в то же время людьми из плоти и крови, со своими привычками и странностями, достоинствами и житейскими слабостями. Я думаю, что нередко для большинства современников они были просто приятными или неприятными в обхождении, обычными на первый взгляд или чудаковатыми людьми. Их истинный масштаб, их принадлежность к другому миру, должно быть, и не осознавались большинством в полной мере. Ведь нельзя понять, насколько высока гора, если стоять у самого ее подножия, — для этого надо отойти на некоторое расстояние.

Так вот, не происходит ли то же с нами сегодня в отношении Шостаковича? Понимаем ли мы его подлинное историческое значение, всегда ли сознаем, что рядом с нами и среди нас живет один из семьи замечательных творцов! И достаточно ли дорожим мы его временем, вниманием, здоровьем?

Потомки будут завидовать нам, что мы жили в одно время с автором Восьмой симфонии, могли встречаться и разговаривать с ним. Они постараются собрать как можно больше сведений о его жизни и творчестве. И они, наверное, будут сетовать на нас за то, что мы не сумели зафиксировать и сохранить для будущего многие характеризующие его мелочи, увидеть в повседневном неповторимое, и потому особенно дорогое, и оценить в должной мере историческое значение нашего великого современника.

Величие Шостаковича определяется для меня прежде всего значительностью той общественной и нравственной идеи, которая проходит через все его творчество. Это мысль о том, чтобы не было людям плохо, чтобы они не мучились и не страдали из-за войн и социальных бедствий, несправедливости и подавления. «Не хочу, чтобы было плохо!» — вот о чем говорит он своей музыкой. В ней звучит голос гражданской совести, направленной против всего, что эту совесть задевает, оскорбляет, больно ранит.

Верность одной идее придает творчеству Шостаковича внутреннюю цельность и единство. Иногда приходилось слышать и читать о противоречивости Шостаковича, о том, что в его музыке имеется неравновесие между положительными и отрицательными образами, что зло в ней торжествует. Но считать так — значит совершать большую ошибку. Шостакович показывает зло только для того, чтобы обличать его и бороться с ним.

И вместе с тем есть у него еще один враг. Это самодовольная пошлость и тупость, присущая мещанству.

Я воспринимаю Девятую симфонию как своеобразный «симфонический фельетон», в котором высмеиваются самоуспокоенность, желание «почить на лаврах», самоупоение и напыщенность. Конечно, не вся симфония иронична — есть в ней и искренняя лирика, печаль. Но беспечная, легкомысленная «шутейность» первой части (вспомним побочную тему!), преувеличенный и потому внешний пафос четвертой, какое-то нарочитое, с трудом утверждающее себя веселье финала — все это выражает чувства не самого композитора, а его антипода, самодовольного, недальновидного и, в сущности, ко всему равнодушного обывателя.

Что же противостоит злу в его музыке? Шостаковича порою упрекают в том, что добро, человечность, свет, любовь воплощены у него менее четко и полнокровно, чем жестокость и вражда. Я с этим не вполне согласен: дело не в нечеткости, а в сдержанности и застенчивости. Да, Шостакович беспощаден, резок, смел в обличении зла. И он целомудренно робок и стыдлив, когда надо сказать о личном, сокровенном, потаенном. Сила его чувств — в их чистоте и, если хотите, беззащитности, оголенности. Он больше всего боится быть нескромным, назойливым в выражении своих эмоций. Его лирика раскрывает себя в немногих скупых штрихах, в намеках. Иной раз ему достаточно одного такта или даже доли такта, чтобы обрисовать образ, выразить нужное настроение.

Боязнь быть навязчивым, стремление избежать сентиментальности проявляются у Шостаковича и в своеобразном применении инструментовки, который я назвал бы «маскировкой с помощью тембра». В первой части Шестой симфонии есть небольшой дуэт флейты и фагота. Проникновенные, трогательные лирические интонации поручены инструментам, звучание которых исключает всякий эмоциональный «нажим», какую бы то ни было подчеркнутость, сентиментальность и слащавость выражения — опять же для того, чтобы, как говорил Маяковский, не «рассиропиться».

Такая маскировка чувств иногда сбивает слушателей с толку, создает у них превратное представление о кажущейся неэмоциональности Шостаковича. На самом же деле в его музыке таятся глубокие лирические чувства, которые тщательно оберегаются от грубого взгляда и неосторожного прикосновения, не выставляются напоказ. Надо уметь их уловить — и тогда вы не сможете не оценить их возвышенности, чистоты и сдержанной силы.

Подчеркивая значительность и глубину содержания музыки Шостаковича, я хочу одновременно напомнить и о том, что это содержание всегда воплощено с исключительным, совершенным мастерством.

Мне посчастливилось дирижировать многими сложнейшими произведениями Шостаковича. Но, может быть, с особенной ясностью ощутил я изумительное совершенство его мастерства в такой простой на первый взгляд и ясной вещи, как «Песнь о лесах». Как разнообразно использует здесь композитор те немногие средства, которыми он себя ограничил! Сколько изобретательности и фантазии проявил он в оригинальнейшей семидольной фуге! Как все это прекрасно воспринимается: ни на секунду не ослабевает внимание слушателя, получающее все новую и новую пищу! А средства, повторяю, весьма ограниченные.

Многое уже написано о различных сторонах композиторского мастерства Шостаковича. Я хочу коротко сказать только о том, что мне наиболее близко как дирижеру: об оркестровке и о форме.

Каждый раз, когда я впервые разучиваю с оркестром новую партитуру Шостаковича, меня поражает, с какой точностью он слышит будущее звучание своей музыки. Все им заранее услышано, пережито, продумано и рассчитано.

У Шостаковича, если можно так выразиться, абсолютный оркестровый слух. Он слышит и оркестр в целом, и каждый инструмент в отдельности — и мысленно, и в реальном звучании.

Вспоминаю такой случай. Мы репетировали Восьмую симфонию. В первой части незадолго до генеральной кульминации есть эпизод, в котором английский рожок забирается довольно высоко, во вторую октаву. Рожок здесь дублируется гобоями и виолончелями и почти не различим в общем звучании оркестра. Учитывая это, исполнитель сыграл на репетиции свою партию октавой ниже, чтобы поберечь губы перед большим ответственным соло, которое следует сразу за кульминацией.

Услышать английский рожок в мощном звучании оркестра и обнаружить маленькую хитрость исполнителя было почти невозможно. Я, признаться, не заметил ее. Но вдруг, за моей спиной, из партера раздался голос Шостаковича: «Почему английский рожок играет октавой ниже?» Мы все обомлели. Оркестр остановился и после секунды молчания разразился аплодисментами.

Замечательно слышит Шостакович и форму будущего произведения. Здесь все не только выверено и соответствии с содержанием, но и построено с учетом законов слушательского восприятия. Асафьев писал когда-то о «направленности формы на восприятие» у Чайковского. Шостакович в этой области, как и во многих других, — прямой продолжатель и достойный наследник Чайковского, этого гениального «режиссера восприятия».

Музыка Шостаковича, великого композитора нашей эпохи, завоевала признание в Советской стране и во всем мире. Она навсегда останется в истории мировой музыкальной культуры как одна из ее вершин. И если в этом есть хоть какая-то доля заслуги ее исполнителей и пропагандистов, каждый из нас может чувствовать себя счастливым и благодарным судьбе.

Статья Е. Мравинского публикуется в сокращенном варианте. Полный ее текст будет напечатан в сборнике «Дмитрий Шостакович», который скоро выйдет в издательстве «Музыка».

ЛГ ПУБЛИКАЦИИ

ПОЭМА О ВЕРЕ В ПОБЕДУ

Было лето 1942 года. В это суровое героическое время родилось великое произведение искусства. В моих бумагах сохранилась драгоценная рукопись, связанная с этим событием.

...11 июля 1942 года. Ереван. Над городом сгустились сумерки. На площади перед Театром оперы и балета много людей. Их привело желание услышать произведение, рожденное в осажденном городе-герое.

Это была Седьмая симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

На огромной сцене разместился объединенный симфонический оркестр оперного театра и филармонии. Дирижировал М. Тавризян.

На следующий день газеты восхищенно отзывались о симфонии, исполнителях, дирижере. В этот день я побывал у замечательного поэта, патриарха армянской поэзии Аветика Исаакяна. Поэт находился под огромным впечатлением Седьмой симфонии.

Я сказал Варнету (так принято в Армении обращаться к Мастеру), что гости Еревана будут выступать перед микрофоном

— Не люблю микрофон, — со свойственной ему искренностью признался он и, чуточку погодя, добавил: — Лучше я напишу. — И он написал о Седьмой симфонии Шостаковича. В тот же день отзыв поэта был передан по радио. Рукопись Аветика Исаакяна сохранилась в моих бумагах.

Такова предыстория этой ее первой публикации.

Ал. ГАСПАРЯН

В'ЕРА, 11 июля, под искусным руководством дирижера Тавризяна общественности Еревана выпало счастье слушать 7-ю симфонию Шостаковича. Армянская госопера и филармония должны вписать в страницы своей истории этот факт: в нашей большой стране после Москвы и Куйбышева третье исполнение симфонии было предоставлено им. В Армянской советской республике, у ворот Азии, торжественно прозвучала песня войны и победы: войны — против зла и мракобесия, победы — над насилием и рабством.

Выше моих сил оценить это сложное, разностороннее произведение. Это — право опытного специалиста. Однако впечатление, которое я получил, позволяет мне сказать, что высокоталантливый автор достиг своей творческой цели. Говоря другими словами: заранее не зная содержания симфонии, программы композитора, мы, слушая ее, сразу оказываемся в огромной стихии музыкальной поэмы, которая красноречиво, гармонично повествует о наших чувствах. О печали и непокорности, о порывах гнева и страсти борьбы, о вере в победу и пафосе самоотверженности — о тех переживаниях, мыслях, идеях, которые волновали автора и миллионы бойцов Ленинграда, сражавшихся против кровожадных, всеразрушающих вандалов — против фашистов.

Эта музыкальная величественная поэма, созданная в атмосфере ужасающей стихии железа и огня, в дни неподражаемой храбрости и героического самозабвения, прочитывается с большим волнением, восхищением, внутренним трепетом.

Симфония Шостаковича — это могучая песня Отечественной войны, победы идеалов великого нашего Союза. Она является не только памятником нового музыкального искусства, но и замечательным вдохновляющим примером для всех наших художников. Она побуждает работать над произведениями, увековечивающими нашу славную действительность.

Аветик ИСААКЯН

В писательских организациях

У ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

До открытия IV Всесоюзного съезда писателей осталось два месяца с небольшим. Казалось бы, время немалое. Но сколько надо успеть за это время, сколько сил и энергии требуется от писательских организаций, чтобы встретить съезд во всеоружии.

С вопросом, как проходит подготовка к съезду, наш корреспондент обратился в Российскую организацию писателей. Вот что рассказал секретарь правления Союза писателей РСФСР Михаил АЛЕКСЕЕВ.

В середине ноября откроется II пленум правления Союза писателей России. Он явится как бы преддверием к съезду. Основной темой разговора на пленуме будет воспитание молодых писательских кадров. Пленуму предшествовала и по сей день продолжается огромная работа. Взять хотя бы выездные семинары, наподобие немеровского, после которых стране стали известны многие новые писательские имена. Но открыть талант — это еще полдела. Его надо взрастить, воспитать, надо увидеть и подсказать молодому литератору тот путь, где талант его принесет наибольшие плоды.

В предсъездовские дни нами намечено провести по основным областным писательским организациям творческие семинары. В их работе примут участие комиссии Союза писателей РСФСР. Такие семинары состоятся в Ленинграде, Саратове, Белгороде, Костроме, Махачкале и других городах.

Очень интересным, на мой взгляд, может стать разговор на всероссийском совещании писателей, посвященном теме рабочего класса. Это совещание — инициатива ленинградской писательской организации, ее секретаря Даниила Гранина. Совещание намечено провести в самый канун съезда. И, я думаю, многое из того, что будет говориться в Ленинграде, станет потом предметом обстоятельного разговора на съезде.

В октябре в Саратове состоится широкое обсуждение нашего нового журнала «Волга». В нем примут участие литераторы, представители других творческих союзов. Я не могу не отметить, что недавнее выступление «Литературной газеты» о работе журнала было очень своевременным и нужным.

«Современность и революционные традиции в советской литературе» — такова тема межобластного семинара Архангельского куста нашей организации. Семинар этот будет работать в Петрозаводске. Точно такой же семинар решено провести в Туле. Там соберутся писатели Приокского куста. В Иванове состоится совещание поэтов Верхней Волги. А в декабре, накануне съезда, будут отмечаться Дни калмыцкой литературы в Москве.

Все это, так сказать, наши главные предсъездовские мероприятия. А сколько еще другой работы, на первый взгляд вроде бы и второстепенной, и малозаметной, но не менее трудоемкой и необходимой! Съезд не за горами, и прийти мы к нему должны в полной боевой готовности.

Пятилетка:

ЛЮДИ И ПРОБЛЕМЫ

Тихо сегодня в Бакчаре

Давид КОНСТАНТИНОВСКИЙ

ПОЧТИ от самого Новосибирска стали попадаться суда с нефтью. Их было много. На всех пристанях бросались в глаза плакаты и лозунги, посвященные нефти. Стоило включить радио, как диктор привычно продолжал говорить что-то о нефти. Когда «Ракета» подошла сюда, к Колпашевскому причалу, все вокруг напоминало опять-таки о ней.

Но только ли нефть — будущее этого края?

Лет десять-двенадцать назад, когда геологи, искавшие в Томской тайге нефть и газ, пробурили скважины в районе Колпашево, они обнаружили — случайно! — месторождение железной руды. Позже оказалось, что это месторождение — лишь небольшая часть огромной железорудной «рессоры», протянувшейся в меридиональном направлении от Алтая до низовья Енисея.

Это одна из самых выдающихся на земле железных кладовых, которую можно сравнить лишь с Курской магнитной аномалией и с еще очень немногими рудными бассейнами планеты. И главные сокровища этой кладовой — в Бакчаре.

Более 110 миллиардов тонн руды, вдвое больше разведанных запасов в стране, — вот что такое Бакчар!

Расположен он недалеко от промышленных центров: до Томска около двухсот километров, до Новосибирска — двести пятьдесят. Руда лежит на глубине ста шестидесяти — двухсот метров мощным горизонтальным пластом. Около 40 миллиардов тонн здесь можно разрабатывать открытым способом. По содержанию железа бакчарская руда схожа с керченской, лисаковской, аятской.

Месторождение это уникально по своей перспективности.

Маленькие, разбросанные по глухим местам рудники (таких немало сейчас в Сибири) с самого своего основания обречены на неустроенную жизнь. Строительство жилья, благоустройство поселка, снабжение и культурно-бытовое обслуживание — на всем лежит некая, что ли, печать временности, некапитальности. Такое отношение к этим поселкам неизбежно: ведь каждый знает, что детям его здесь жить не суждено.

Совсем иным обещает стать Бакчар. Его рудные запасы можно разрабатывать столетиями. Здесь есть смысл основать большой город-рудник, который сможет снабжать сырьем всю черную металлургию Сибири. Этот город имеет все основания стать не только промышленным, но и крупным культурным центром края.

Целесообразность именно такого решения судьбы Бакчарского месторождения подтверждена расчетами. Сибирские ученые считают, что дальнейшее развитие третьей металлургической базы страны, повышение ее рентабельности станут возможными лишь тогда, когда к востоку от Урала мелкие рудники будут заменены крупными, длительно действующими.

Речь идет не только о снабжении рудой Западно-Сибирского металлургического завода и Кузнецкого комбината. Здесь, в географическом центре страны, в будущем должен быть создан еще один крупнейший металлургический комбинат. Запасы Бакчарского месторождения позволяют в год производить до двадцати миллионов тонн чугуна, причем себестоимость его, как показывают расчеты, будет самая низкая в СССР.

А пока тут есть все необходимое для создания крупной рудной базы.

Добычу руды в Бакчаре можно вести и роторными экскаваторами, и мощными земснарядами. Ведь вскрыть даже двухсотметровую толщу песка и глины над рудным пластом при нынешнем уровне техники — отнюдь не проблема. Один такой карьер в состоянии полностью обеспечить сырьем завод производительностью пять-шесть миллионов тонн чугуна в год.

Чугун, выплавленный из бакчарской руды, будет иметь большие примеси фосфора и ванадия. Из него можно варить высококачественную и дешевую сталь. Кроме того, тут будут получать фосфатные и ванадиевые шлаки, которые сами по себе являются ценным промышленным сырьем.

Одного этого уже достаточно, чтобы сделать Бакчарское месторождение одним из перспективнейших объектов пятилетки. Однако не только для металлургии важно быстрейшее освоение Бакчара.

Разработка этого месторождения может оказать влияние на всю экономику Западной Сибири, будет способствовать ее дальнейшему и всестороннему развитию. Широко известные ныне богатства Сибири — нефть, газ и лес в соседстве с бакчарскими рудами могли бы лечь в основу уникального химико-металлургического комплекса. Если еще учесть, что фосфатные шлаки от производства чугуна (исходя из запасов руды в Бакчаре) дадут возможность примерно на 50 процентов обеспечить потребность сельского хозяйства Сибири в минеральных удобрениях, станет ясно, что у Бакчарского химико-металлургического комбината в принципе большое будущее.

Построить его предлагают в ста пятидесяти километрах северо-западнее Томска. Он должен, по замыслу сибирских ученых, состоять из двух взаимосвязанных узлов союзного значения — Бакчарского и Киреевского. Экономисты ожидают, что строительство комплекса полностью окупится за четыре-пять лет.

Другие варианты перспективного планирования сибирской металлургии (несколько таких планов были просчитаны экономистами Сибирского отделения Академии наук СССР) в сравнении с Бакчарским проигрывают. Но семь лет назад дополнительная разведка месторождения, необходимая для разработки проектов, была прекращена.

Научные сотрудники Сибирского отделения Академии наук СССР Н. Х. Белоус и Н. Л. Стародубцев утверждают: «Несмотря на такую экономическую эффективность создания Бакчарско-Киреевского горнометаллургического комбината, наши предложения встречают сопротивление в ряде ведомственных организаций».

Надежда Хрисантовна Белоус, два десятилетия посвятившая изучению железорудных месторождений Сибири, посчитала, по моей просьбе, ежегодные потери от небрежения Бакчаром — у меня на глазах выросла такая цифра, что, поверьте, вспоминать ее не хочется...

— Очень трудно, — говорила Надежда Хрисантовна, — бороться за Бакчар, преодолевать влияние неверной, небрежно собранной информации.

Расчет себестоимости бакчарской руды, сделанный в институте «Ленгипроруда», при проверке оказался недостаточно точным. Опасения того, что закладке рудника могут помешать плывуны, встречающиеся лишь в сорока — пятидесяти километрах от участка, выбранного под строительную площадку, также представляются не очень обоснованными. Рассуждения о том, что места, дескать, далекие, необжитые, дикие, теперь, после освоения нефтеносных районов Тюменской области, вообще не могут приниматься всерьез. И тем не менее все это на долгие годы затормозило работу над проектом.

Член-корреспондент, директор Института горного дела Сибирского отделения Академии наук СССР Н. А. Чинакал, научные сотрудники Н. Х. Белоус, Н. Л. Стародубцев и ряд других не раз выступали в защиту Бакчара. Ведь требуется еще доразведка месторождения, необходимы средства, кстати, изыскания там дешевы. Но главное — должно измениться отношение ко всей бакчарской проблеме.

Сегодня, когда мы добиваемся более рационального размещения производительных сил, вовлечения в хозяйственный оборот самых перспективных природных ресурсов, использования полезных ископаемых главным образом в тех районах, где разработка их экономически наиболее выгодна, — сегодня вопрос о Бакчаре должен быть решен.

Нельзя сказать, чтобы у проекта Большого Бакчара совсем уж не было сторонников. Не только в Институте горного дела, но и в Томском обкоме КПСС, и, например, в «Сибгипрогрансе» многие считают необходимым скорейшее развертывание проектных работ. Не возражают против этого как будто и в Госплане.

Однако масштабы задачи таковы, что одно лишь пассивное одобрение делу не поможет. Нужны конкретные, действенные меры со стороны центральных планирующих органов.

А пока?..

В пронизывающем северном ветре я хожу по гулким деревянным тротуарам колпашевских улиц, по мостовым, вымощенным сосновыми чурками, сижу на лавочке у гостиницы с киевским студентом, строящим дома в Нижневартовске, стоя у дебаркадера, провожаю пароходы, на палубах которых отпускники торопливо щелкают фотоаппаратами: все это так или иначе связано с нефтью. Ветер надувает транспаранты, призывающие молодежь на промыслы, студенты возводят городок нефтяников, отпускники возвращаются к себе на буровые.

Сегодня и в Бакчаре больше думают о северной нефти, чем о своей железной руде. Разведка-то ведь прекращена...

В ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ БИТВЕ

ПИСАТЕЛИ ГОТОВЯТСЯ К ПРАЗДНОВАНИЮ 25-летия РАЗГРОМА ФАШИСТОВ ПОД МОСКВОЙ

...ДВАДЦАТЬ ДВЕ книги, посвященные героической Битве под Москвой, незабываемым событиям осени 1941 года, вышли в свет в последнее время. На эту волнующую тему написано несколько новых книг. Семь из них читатель получит в декабре, в дни 25-летия победного московского сражения. Над подготовкой этих изданий работали, трудятся многие писатели.

...«Тут ни убавить, ни прибавить» — так называется находящийся в производстве кинофильм о разгроме немецко-фашистских полчищ под Москвой. Сценарий картины написан К. Симоновым, Е. Воробьевым, В. Ордынским.

...Мемуары. Новые песни. Специальные радио- и телепередачи... Обо всем этом шла речь на заседании бюро комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей СССР совместно с секретариатом московской писательской организации. Это заседание, привлекшее внимание широких кругов писательской общественности, а также других творческих союзов, было посвящено подготовке и празднованию 25-летия разгрома немецко-фашистских оккупантов под Москвой.

— Речь идет о большом событии народного календаря, и литераторы, несомненно, примут в нем самое широкое участие, — сказал председательствовавший К. Симонов. — Писатели многое могут сделать, подсказать, посоветовать. В частности, нам надлежало бы серьезно подумать над самим ритуалом праздника, чтобы он прошел интересно, волнующе и остался в памяти людей на долгие годы. Литераторы должны позаботиться о подготовке достойных изданий, широком использовании радио и телевидения... Мне, например, представляется интересным, чтобы по радио и телевидению «прозвучал голос трудных и незабываемых дней осени 1941 года. Совместно с художниками и архитекторами писатели должны принять широкое участие в установлении памятников, монументов павшим защитникам столицы...

Заместитель председателя комиссии М. Ирючкин подробно информировал собравшихся о ходе подготовки. Затем состоялось оживленное обсуждение различных предложений. Например, на заседании возникла мысль о большой телепередаче — «Рубежи Москвы», которая должна вестись прямо с былых полей сражений за столицу, а также радиопередаче «Голоса московской битвы». Телезрителям, разумеется, будет интересно увидеть священные земли Подмосковья, где были разгромлены фашисты, услышать писателей — участников боев. Возникло предложение об организации в Москве большой художественной выставки, посвященной этому событию. В. Галин посоветовал организовать «Московские чтения» — выступления писателей — участников боев за Москву — на фабриках, заводах, в институтах. Говоря о мужестве жителей Тулы, А. Андреев подчеркнул необходимость достойно увековечить славный подвиг тульских патриотов.

Среди многих других предложений, обсуждавшихся на заседании, одно несомненно заняло особое место. Речь шла о сооружении в столице памятника героям битвы за Москву. Участники заседания от имени писательской общественности высказались за то, чтобы монумент был создан и установлен в центре Москвы, на Манежной площади, рядом с народной святыней — Кремлем.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 стр. 24 сентября 1966 г. № 113

800-ЛЕТИЕ РУСТАВЕЛИ

СЛОВО, ВОЗВЫШАЮЩЕЕ ДУХ

Микола БАЖАН

НИКОГДА и нигде в мире чествование памяти великих писателей прошлого не имело и не имеет такого широкого, по-настоящему всенародного и единодушного характера, какой эти празднования приобрели у нас, в социалистической стране. Каждый советский народ вкладывает в эти юбилейные даты огромный заветный смысл, небывалое содержание — и свою национальную гордость, и любовь к родному слову. И неразрывно вместе с этим — могучее чувство единства, взаимоуважение и взаимопреданность социалистических наций. И понимание значения советских народов и, в частности, своего народа в развитии культуры всего человечества, неотступно идущего к коммунизму.

Слова Ленина о том, что нельзя строить коммунизм без понимания глубочайшей истории старого мира, что нельзя стать коммунистом, не обогатив свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество, — вот суть каждого нашего празднества, ознаменования великих имен и дат мировой культуры.

Кто из участников Пушкинских юбилейных торжеств сможет забыть о сиянье Пушкинских Гор, о светлой грозе, пронесшейся над рощей Святогорского монастыря, когда люди разных народов и рас собрались там у священной могилы? А тысячные хоры латышек и латышей, поющие песни Райниса у его памятника? А толпы украинок и украинцев, устилавших цветами, улыбками, добрыми словами весь путь от могилы до места рождения великого Кобзаря, когда по этому пути следовали гости, приехавшие со всех концов земли? А седые старики и дети, ученейшие поэты и простые ашуги, восторженно читавшие гостям музыкальные стихи Саят-Нова? А 750-летие со времени создания «Витязя в тигровой шкуре» и единодушие людей, говоривших о гениальной поэме, родившейся в Грузии?

Эти дни незабываемы. Они были наполнены таким слиянием твоих чувств с чувствами народа, таким ощущением великой народной роли гениев литературы, таким уважением к могучей творческой силе свободолюбивого слова, таким стремлением масс обогащать свою память знанием истинных сокровищ культуры, на какие способны только народы, свободные от социального и национального принуждения, познавшие счастье равноправия и дружбы.

Эти дни незабываемы. Они, наполненные неповторимым национальным содержанием, своеобразные, беспримерные, несут в себе дух еще более высокого единства — единства интернационального, международного. Ленинский дух социализма, гуманизма вдохновляет их, укрепляет для наступления против тупой буржуазной ограниченности, национальной спеси, фашистского мракобесия. Таким был дух и Руставелиевских дней 1937 года, когда старинная поэма о дружбе и любви стала действенным оружием в борьбе с гитлеровской проповедью человеконенавистничества.

Кичливое расистское разделение народов на «полноценные» и «неполноценные», на «исторические» и «неисторические», вызывает осуждением современного варварства, расистского разгула, лжи, антикоммунизма.

В Тбилиси соберутся литераторы и деятели культуры всех советских народов, много прогрессивных писателей из зарубежных стран. На слете, посвященном теме «Народ и поэзия» — теме такой естественной и закономерной в Руставелиевские дни, — поэты будут говорить о том, что только рожденная народной жизнью, вдохновленная историей народа, его свободолюбием, его думами, его моралью, устремленная к народу и народом почитаемая поэзия может приобрести непреходящее, вечное, бессмертное интернациональное значение. Такова поэзия Руставели. Такова поэзия Пушкина, Шевченко, Шекспира, Мицкевича, Шиллера, Гюго...

Созданное ими принадлежит к тем богатствам, без овладения которыми невозможно строить коммунизм. Актуален, действен, неугасим и сейчас этот великий ленинский завет. Прискорбно слушать из уст некоторых людей, именующих себя коммунистами, безрассудные вопли, призывающие разрушать драгоценное наследие как национальной, так и общечеловеческой культуры.

Мы чтим Руставели. Его творения тоже когда-то уничтожали варвары — и «родные», и чужеземные, — сжигали, рвали, бросали в реку. Ныне их высоко чтят как всечеловеческую ценность и гордость социалистических народов. Вместе с произведениями Руставели, Пушкина, Шевченко, Бальзака, Горького мы в благодарной памяти храним стихи Ду Фу и Ли Бо, строфы Бо Цзюй-и и книги «Шуйху Чжуань». Мы готовимся достойно почтить память замечательного писателя и друга советского народа — Лу Синя в день тридцатилетия его смерти.

Разве народ может отречься от своей поэзии? Разве можно сводить многовековой, разнообразный и разветвленный путь поэзии к одной тропе, к одному имени? Даже такое гениальное произведение, как поэма Руставели, — только частица всего вклада тысячелетней грузинской поэзии в духовную сокровищницу мира. И Дни Руставели — это дни всей грузинской литературы. Ее современный расцвет убедительно говорит, что бережное хранение лучших традиций — никак не отказ от смелых, новаторских поисков содержания, стиля, тем, форм и способов поэтического выражения. Простор для таких поисков, свободу для такого, не стесненного ни снобистскими, ни догматическими предубеждениями и предначертаниями творчества дает писателю литература социалистического реализма. Чествовать великое имя поэта, рожденного давным-давно, не значит погрузиться только в археологические исследования, тоже, конечно, очень нужные. Восемь столетий не утрачивали жизненной силы, заложенной в строфы старинной поэмы о дружбе, успешно штурмующей мрачную крепость злобных и алчных каджей. Слово Руставели волнует и обогащает живую мысль живых, современных людей, сплоченных дружбой и солидарностью в их победном походе в будущее. Стих Руставели крепляет и возвышает их дух, вынимая завет, оставленный великим стихотворцем для грядущих поколений поэтов:

Стихотворство — род познанья,
возвышающего дух.

КИЕВ

Вс. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Неувядаема юность слова Руставели — певца духовных ценностей. И хотя имя Шота из Рустави, его рождение и жизнь окружены легендой, сквозь строки поэмы, пересыпанной мудрыми сентенциями, встает образ человека, обладающего широким кругом познаний — от философских учений Древней Греции до современной ему поэзии стран Ближнего Востока.

Помню, в далекой юности, когда я впервые раскрыл книгу Руставели, меня ослепили горячие краски его певучего слова. Не совсем привычные ритмы «шаири» завораживали слух, влекли за собой все дальше и дальше, не позволяя прервать чтение посередине. Хотелось вместе с отважным Автандилом прослушать горестный рассказ Тариэла, читать с замирающим сердцем послание пленной красавицы Нестан-Дареджан, видать собственными глазами осаду неприступной крепости Кеджети — твердыни мрака и коварства. В самом звучании поэмы было что-то магическое для юношеского воображения. Да, там много воинских приключений, доблестных подвигов, нежной лирики и сурового боевого мужества! Ярки одежды романтического повествования, волнующи образы героизма, возвышенны чувства, сильны страсти. И вместе с тем это рассказ о простых людях, силой обстоятельств поставленных в такие условия, где всего ярче могут проявиться все возможности их разума и сердца, все широта подлинного дружества и великодушия:

Дом, гостям
открытый, — благо,
скаредно лишь
сердце злое.
Что раздашь — твое,
что скроешь —
то потеряно навек!

В быстротекущей смене жизненных впечатлений нет-нет да и всплывают в памяти афористические строки великого грузинского песнопевца, встающие рядом с изречениями Хафиза или Омара Хайяма. Навеки вошли они в сокровищницу мировой мудрости, хранились целые столетия в народной среде задолго до того, как стали строчками печатной книги.

Припоминается один из фронтовых вечеров 1943 года в низеньком бревенчатом блиндаже, в засыпанном сугробами лесу где-то подо Мгой. Пользуясь краткой передышкой, собрались мы, саперы и связисты Волховского фронта, вокруг слабенького огонька коптилки, вздрагивающего от доносившихся издали раскатов...

После горячих, перебивающих друг друга рассказов — кто о Смоленщине, кто о Кубани, кто об Алтае — как-то незаметно перешли к песне, к стихам. И вздумалось мне воскресить в памяти насколько строф из «Витязя в тигровой шкуре» — монолог доблестного Автандила. Не успел я произнести и четырех строк пленительного «шаири», как сидевший рядом подрывник Сандро порывисто вскочил и с загоревшимися глазами продолжал уже по-грузински. Гортенные, переливные строфы незнакомого языка, казалось, в эту минуту стали понятны всем. Они звучали мужественной и глубокой уверенностью в победе, нашей победе...

Позднее тот же Сандро, чабан овцеводческого колхоза, рассказал мне, что стихи Шота заучил он еще в детстве со слов отца, а тот перенял их от деда. Этот почти столетний, не знавший грамоты старик мог читать наизусть целые песни «Вепхис тквосани», наследовав их в свою очередь от деда как драгоценный дар. Так, переходя из поколения в поколение, жили не знающие ржавчины времени распевные строки.

Сандро жалел, что нет у него сейчас полного грузинского текста. И я постарался помочь ему, написал в Ленинград приятелю-аостоковаду, зимовавшему в подвалах Эрмитажа. И велика была радость моего сапера, когда получил он книгу! И, может быть, в его вещевом мешке эта книга дошла до Берлина, и в дымящихся развалинах фашистского логова вновь ожили строфы бессмертной поэмы.

Сулейман РУСТАМ

Мне выпала большая честь и большая творческая радость вместе с моими товарищами Самедом Вургуном и Мамедом Рагимом перевести на азербайджанский язык бессмертное творение Шота Руставели.

Книга Руставели, изданная у нас в Азербайджане в юбилейном, 1937 году, была раскуплена молниеносно. Библиотечные формуляры свидетельствуют об огромном читательском спросе на произведение Руставели. Я не погрешу против правды, если скажу, что первое издание его на азербайджанском языке стало ныне библиографической редкостью. В Азербайджане есть семьи, где оно хранится как реликвия.

Накануне нынешнего юбилея я опять вернулся к «Витязю», много и тщательно работал над своим прежним переводом. Готовя новое издание, я памятовал непрестанно, что поэма Руставели глубоко народна и по сути, и по звучанию. Я стремился, чтоб она стала еще ближе азербайджанскому читателю, пытался придать строчкам перевода такое звучание, чтоб они открылись слуху и душе азербайджанцев как свои, родные.

Грузины по праву могут гордиться гениальным творением Руставели — этим своим национальным достоянием. Нерукотворный памятник воздвиг себе Руставели. Памятник этот, выдержав испытания восьми веков, нисколько не потускнел, озаренный ореолом неувядаемой славы.

Внимательное чтение «Витязя в тигровой шкуре» не оставляет сомнения в том, что его автор знаком с трудами поэтов, ученых, философов, например с произведениями Рудаки, «Шахнаме» Фирдоуси, «Вис и Рамин» Гургани, «Пятерицей» Низами.

Древняя культура грузинского народа развивалась во взаимосвязях с культурами соседних с ним иранцев, арабов и других народов. Караваны верблюдов несли из одной страны в другую не только изделия ремесленников и кустарей, но и книги поэтов и ученых. Случалось, ездили друг к другу, преодолевая пустыни и горы, деятели науки и искусства различных стран, чтобы позаимствовать у соседей знания, мудрость.

Чем дальше уходит от нас эпоха Руставели, тем ближе становится он нам. Чистые, гуманистические идеалы, воспетые поэтом, роднят его со всеми передовыми людьми мира.

Сатым УЛУГ-ЗАДЕ

Три десятилетия назад, когда у нас в стране и в ряде зарубежных стран широко отмечался 750-летний юбилей «Витязя в тигровой шкуре», на таджикском языке впервые появился перевод гениальной поэмы. Таджикского читателя, воспитанного на творениях Рудаки и Фирдоуси, Хайяма и Саади, Хафиза и Джами, покорил могучий, светлый талант великого грузинского поэта.

Страстный певец любви к человеку, Руставели сумел подняться выше идеологии и религиозных предрассудков своего времени, проникнуть «очами сердца и ума» в грядущие века.

Наири ЗАРЬЯН

Специалисты - руставелеведы задолго до меня произнесли свое восхищенное слово о «Витязе в тигровой шкуре» — о его сюжетной напряженности, сочных метафорах, образном богатстве языка, звонкой инструментовке строк, волшебной аллитерации и рифмовке, пленительной соразмерности частей и прочих художественных достоинствах поэмы. Мне, мастеровому в литературе и горячему почитателю таланта Руставели, остается лишь добавить, что высокими идеями и редкостной художественной красотой «Витязь в тигровой шкуре» навсегда полонил мое сердце. Сколько подобных мне восторженных поклонников по ичакого дара Руставели в моей Армении, влюбленных в творение грузинского гения не меньше, чем в родного «Давида Сасунского»!

«Витязь в тигровой шкуре» давно уже раздвинул национальные границы, стал достоянием культуры многих народов. Армяне, жившие и в прошлом в самом тесном соседстве с грузинами, оказались одними из первых переписчиков и переводчиков поэмы. История донесла до нынешних дней бесценные реликвии дружбы наших народов. Любовно вместе с армянскими пергаментами столетия хранил в Матенадаране армянский народ первые рукописные экземпляры «Витязя в тигровой шкуре».

На армянском языка впервые бессмертные строки Руставели прозвучали в 1860 году. 500 строк поэмы в переводе Саргиса (С. Е. Бастамова) напечатал армянский журнал «Крунк», выходивший тогда в Тбилиси. По тем временем это был самый большой из существовавших переводов Руставели.

На ослабевал интерес к творению грузинского гения и в последующие годы. Поэму мечтал перевести Ованес Туманян. Ваану Терьяну грезились Автандил и Тариэл, произносящие свои гордые речи на армянском языка. Обстоятельства не дали осуществиться планам Туманяна и Терьяна, но последнему все-таки довелось перевести 52 первые строки поэмы. О них очень высоко отозвался академик Н. Я. Марр, назвав этот отрывок совершенно адекватным оригиналу. Полный текст «Витязя в тигровой шкуре» для армянского читателя сделал доступным в 1937 году Гаарк Асатур. Этот перевод Аветик Исаакян называл прекрасным.

В Армении выдвинулась целая плеяда ученых — блестящих знатоков Руставели. Назову хотя бы двух крупнейших ее представителей — академика И. А. Орбели и профессора Маликсетбека.

«Вепхис тквосани» по сей день служит взаимному обогащению культур братских народов.

Карл КРАУЛИНЬ

В эти дни прогрессивные люди мира чествуют великого поэта-мыслителя Руставели. Он сумел в своем неувядающем творении воплотить благородные идеалы и, точно стрелу, пустил их в будущие века, — а это труд, требующий гениальности, дальновидности и смелости. Восхищаясь мощью духа и художественным мастерством автора «Витязя в тигровой шкуре», нельзя не восхищаться и народом, породившим этого титана. Устами вечно живых героев поэмы талантливый, свободолюбивый и жизнерадостный грузинский народ в мрачное средневековье, еще задолго до зари гуманизма в Западной Европа, провозгласил начало новой эпохи в человеческом мышлении. «Витязь в тигровой шкуре» — песнь пробуждения в ночи феодального рабства, звонкая хвалебная песнь красоте материального мира, величию человеческого героизма, жизнительной силе добра и справедливости.

Славному празднику прекрасного и любимого брата — грузинского народа — от всей души рад латышский народ. И хотя мы не можем похвалиться столь древней культурой, как грузины, мы не завидуем им, ибо для нас, живущих в единой братской семье, радость и гордость одного народа — общая радость и гордость. Год назад вместе с латышами отмечали столетие со дня рождения Райниса все советские республики, отдавая дань уважения певцу свободы с берегов янтарной Балтики.

Празднование восьмисотлетия Шота Руставели приобретает для нас совершенно современный, актуальный и жизнительный смысл. Как высоногуманный поэт, Шота Руставели будит сегодня в сердцах миллионов ненависть и поработителям и помогает противостоять злейшим врагам человечества.

Звонкое слово Руставели участвует в борьбе за торжество человечности. Сила этого слова неиссякаема: «Зло победимо, добро пребудет в этом мира беспредельном».

800-ЛЕТИЕ РУСТАВЕЛИ

Т. АБАКЕЛИЯ. Тариэл, Автандил и Фридон.

С. КОВУЛАДЗЕ. Встреча Тариэла и Нестан-Дареджан после взятия Каджети.

Д. КИПШИДЗЕ. Барельеф Шота Руставели. Чеканка.

Кайсын КУЛИЕВ

СУТЬ ЛЮБВИ ВСЕГДА ПРЕКРАСНА!

ОБЩЕНИЕ с горами и морем помогает лучше постичь смысл вечности, ощутить ее могучую и таинственную суть. То же самое происходит, когда углубляешься в чтение великих произведений искусства. В чем же секрет долговечности прекрасного создания художественной мысли?

...В этом году я несколько раз возвращался к великой руставелиевской поэме. Из невероятной дали восьми веков слышал голос Шота Руставели. Поэма дышала свежестью колоса, созревающего на поле, прелестью рассвета над белой вершиной. Голос древнего поэта завораживал меня снова и снова, как гул родной реки в ущелье. Я спрашивал себя: в чем секрет такой силы? И спрашиваю снова: почему дарованы «Витязю в тигровой шкуре» такая долгая жизнь и всемирная слава?

«Суть любви всегда прекрасна», — говорит мне Руставели из глубины веков. И сердце мое, как эхо в скалах, повторяет эти слова.

Шота говорит:

Лучше славная кончина,
чем постыдное спасенье!

Поэма его воспевает одно из лучших человеческих качеств — мужество, без которого человек не мог бы взращивать свой хлеб, отстаивать от жадных врагов родной очаг. Для доблести нет старости и оскудения, как и для звезд, каждую ночь сияющих над морем. Это лучшим образом подтверждает «Витязь в тигровой шкуре». Поэма обращена к любви и дружбе, преданности и благородству, прекрасным, как подвиг. И не могут тускнеть от времени звездные слова Автандила из его завещания царю Ростевану:

Не осудишь ты, я знаю, государь,
мое решенье.
Мудрый друг не бросит друга,
несмотря на все лишенья.

Поэма Руставели — книга Разума и Справедливости, призыв к Правде и Чести. Она защищает человека, его свободу и любовь. Она гимн земной красоте, которая безмерно дорога землепашцу, виноградарю и мудрецу. Шота воспел ум и сердце человека, его красоту и доблесть, слил воедино монументальное могущество эпоса и драматический лиризм. Все это нашло в его творении, как в настоящем шедевре искусства, подлинную гармонию.

Мне думается, что именно эти могучие достоинства поэмы сделали ее одним из самых народных произведений мировой поэзии, одной из ее вершин.

Шота Руставели сравнит ложь:

Ложь несет душе и телу
бесконечные мученья.

И дальше:

Презирая лицемеров, мы лжецов
сурово судим.

Поэзия не может служить лжи и жестокости. Они не могут дать ей крылья — наоборот, обрубят их. Они не могут дать ей жизни, долголетия и всечеловеческой славы. Поэзия всегда сильна народным понятием справедливости и добра. Отсюда и ее красота. Пегас быстро сбрасывает лживых стихотворцев, как робких и неумелых ездоков. Поэтам от века завещено служить правде, свободе, справедливости, добру. Недаром же величайший из них — Пушкин считал залогом бессмертия то, что в свой жестокий век восславил он свободу и милость к падшим призывал. Правы были и Пушкин, и Руставели. И в этом их мощь.

Злобные завоеватели топтали, сжигали колос и виноградную лозу. Но они не сумели навечно истребить их, как и жизнь, и ее красоту. То же самое и с поэзией. У нее всегда хватало врагов. Но она была неистребима, как гул моря. Камень долговечен. И уцелел не только камень грузинской земли, но и остались жить ее лоза и колос, ее мысль и слово. К счастью, уцелело и величайшее ее слово, так давно и так надолго сказанное человечеству, — «Витязь в тигровой шкуре». И эта счастливая победа стала праздником прекрасной Грузии и всех народов. Шота Руставели воздал честь человеку. За это ныне славит его человечество.

НАЛЬЧИК

Константин БАЛЬМОНТ

МЕСХ-ВОЛШЕБНИК

Первый полный поэтический перевод на русский язык поэмы «Витязь в тигровой шкуре» связан с именем Константина Бальмонта.

Для того чтобы лучше понять, изучить творчество Руставели, Бальмонт несколько раз посетил Грузию. Здесь он сблизился с выдающимися поэтами, писателями, деятелями культуры. Бальмонт горячо и искренне полюбил Грузию.

Переводу «Витязя» Бальмонт отдал почти четыре года жизни — 1914—1917.

Все это время Бальмонт, по его собственному признанию, испытывал ни с чем не сравнимый душевный подъем. Творческая встреча с гением обогатила его поэтический талант. Работа над переводом превратилась в жизненную потребность. «Перевести Руставели, — пишет Бальмонт, — для меня светлая радость».

Ниже мы печатаем неопубликованные материалы из архива К. Бальмонта, которые хранятся в рукописном фонде Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.*

Л. АНГУЛАДЗЕ

В ДВУХ ликах можно видеть Шота Руставели.

Воплотивший в себя всю напевную силу и мощь грузинского языка, создавший поэму, которую знает через столетия и будет знать через тысячу лет каждый грузин, как знают и хранят родной талисман, Руставели был красиволиким певцом Тамар, прекраснейшей царицы Грузии. Ее он любил любовью безнадежной. Ее он воспел и в одах, похожих на песни соловья, и в этой поэме «Носящий барсову шкуру», где она воплощена в лике Тинатин. Сгорая любовью к ней, он удалился в Иерусалим, сделался иноком и умер в монастыре Святого Древа, душою с ней слиянный и в предсмертные минуты.

Это Руставели, как нам передает его в своих светах и своих угаданиях народное предание. Этот лик мне кажется наиболее правдоподобным и влекущим, ибо в жизни любящих и в жизни поэтов легенда всегда есть самый верный и проникновенный путь угадания.

Другой лик — просто лик творца такой великой поэмы, что, будучи сложным построением, являя из себя целую пагоду индийскую — пышную и лучезарную, ослепляя и чаруя своими тяжелыми цветными коврами и выпуклыми орнаментами, эта поэма является любовной песней, одним звенящим псалмом пронизанного страстью сердца.

И в том, и в другом лик Руставели волшебен и неувядаемо озарен огнями любви...

Руставели, любя и превращая любовь в словесную музыку, превратил стих свой в золотой слиток, а сам стал сияющей жар-птицей.

Внешний рисунок поэмы Руставели чрезвычайно прост, но что он умеет с ним сделать! Так волшебник возьмет один обломок морской раковины и поиграет им, а мы увидим небо и землю, и морские глубины, и тайны сердца, и непрерывную пряжу зарниц...

Когда я читаю бретонское уверение, что море ведет к несчастью предательские корабли и не помогает ни похищениям, ни изменам, я вспоминаю, как Автандил погубил пиратский корабль, и думаю, что бретонец и грузин одинаково умели прочесть правдивую сказку морей.

Тристан устроил себе лук без промаха, Автандил, берясь за лук, никогда не промахивался. Изольда видит сон, как два льва бьются из-за нее, Тариэль наяву переживает сон, в котором бьется лев с пантерой. Когда Изольда показалась в зале среди вассалов, красота ее так сияла, что стены осветились, как от восходящего солнца. Не то же ли случается и с Нэстан-Джаргта воспел ум и сердце человека, его красоту и доблесть, слил воедино монументальное могущество эпоса и драматический лиризм. Все это нашло в его творении, как в настоящем шедевре искусства, подлинную гармонию.

Мне думается, что именно эти могучие достоинства поэмы сделали ее одним из самых народных произведений мировой поэзии, одной из ее вершин.

Шота Руставели сравнит ложь:

Ложь несет душе и телу
бесконечные мученья.

И дальше:

Презирая лицемеров, мы лжецов
сурово судим.

Поэзия не может служить лжи и жестокости. Они не могут дать ей крылья — наоборот, обрубят их. Они не могут дать ей жизни, долголетия и всечеловеческой славы. Поэзия всегда сильна народным понятием справедливости и добра. Отсюда и ее красота. Пегас быстро сбрасывает лживых стихотворцев, как робких и неумелых ездоков. Поэтам от века завещено служить правде, но только более ослепительно?.. Бесполезно длить сравнения между двумя несравненными самоцветами. Я хотел лишь подтвердить, что здесь перед нами два драгоценных камня, рожденных грозой любви. И, конечно, грозы схожи во всех краях. Но когда передо мною будут восхвалять грозу, воспетую бретонским, французским или иным европейским поэтом-рыцарем, я скажу: «Нет. Есть грозы лучше и напевы слаще, а напев того сазандара, который зовется Руставели, звучнее любого напева силою страсти»...

Два сонета пронзили мою мечту, когда я думал об этих двух ликах Руставели: Руставели—певец любви и Руставели, взятый любовью.

Вот первый сонет.

Пантера

Она пестра, стройна и горяча.
Насытится, и на три дня дремота.
Проснется — и предчувствует.
Охота
Ее зовет. Она встает рыча.
Идет, лениво длинный хвост
влача.

А мех ее пятнистый. Позолота
Мерцает в нем. И говорил
мне кто-то,
Что взор ее — волшебная свеча.
Дух от нее идет весьма приятный.
Ее воспел средь острых гор
грузин,
Всех любящих призывный
музыкант,
Чей стих — алоэ, густо
ароматный.
Как барс, ее он понял лишь один,
Горя верой кроваво-бензакатной.

И вот другой сонет.

Два цвета

Прекрасен рот, как роза припадая
К другому рту. Прекрасен
дар богов.
Румяность крови в рденье
лепестков,
Страсть смотрит в Вечность,
в сердце расцветая.

Ив капли счастья — океан
без краев,
Огонь валил все грани берегов.
Не есть костры, чей огнь белей
снегов,
Где дух поет, в отвитости
сгорая.

Красив в веках тот вековый
сазандар,
Что сплел ковер из облачной
кудели,
Струны любви, пронзенный
Руставели.
Красив расцвет лилейно-белых
чар,
Сквозистый лотос в водной
колыбели.
Луна вдали, как далека Тамар.

Там русла рек, где влага
не цветет.
Там бродят лишь бесплотнейшие
тени,
Без жажды, без любви, без
вожделений.

И нет цветов там, чтоб собрать
с них мед.

Нет больше тайн. И чарой
песнопений
Душа там в плен другую
не возьмет.

* Полный текст публикации будет напечатан в журнале «Дружба народов», № 9.

Михаил КВЛИВИДЗЕ

ОН МУЗАМИ ВОСПЕТ

Миниатюра Мамуки Тавакарашвили из рукописи поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

СЛОВА «поэт», «писатель», даже подкрепленные прилагательными «великий» или «величайший», далеко еще не полностью выражают всеобъемлемость Руставели. Его в полным правом можно назвать не только писателем, но и художником, и музыкантом, и ученым, и просветителем. И вполне закономерен и естествен интерес, который проявляли к теме Руставели представители различных искусств.

Больше всего гениальному грузинскому поэту «повезло» в изобразительном искусстве.

Из дошедших до нашего времени иллюстрированных рукописей поэмы Руставели особое внимание специалистов привлекают две рукописи, хранящиеся в фондах Государственного музея Грузии. Одна из них содержит 87 рисунков, выполненных двумя неизвестными мастерами. Одни из них следуют традициям персидской художественной школы, в работах же другого миниатюриста ощущается желание преодолеть влияния иноземной школы и возродить особенности национального рисунка.

Своеобычны миниатюры известного грузинского поэта и каллиграфа Мамуки Тавакарашвили, переписчика поэмы Руставели. Они выполнены с большой экспрессией и драматизмом. В рисунках чувствуется свободный, творческий подход к иллюстрируемому материалу, в них нет мертвящей канонизированной схемы.

В 80-х годах прошлого столетия в Грузии вышло издание «Витязя в тигровой шкуре» с рисунками знаменитого в то время в России венгерского художника Михая Зичи. Его обращение к Руставели положило начало профессиональному иллюстрированию поэмы. Любопытно и то, что свои рисунки венгерский художник делал безвозмездно, движимый лишь благородной целью популяризировать великое творение Руставели.

Новое слово в этом благородном соревновании мастерства и глубины проникновения в руставелиевское слово внесли советские художники. Серии иллюстраций созданы Ладо Гудиашвили, Тамарой Абакелия, Серго Кобуладзе, Ираклием Тоидзе, Уча Джапаридзе и Леваном Цуцкиридзе. У каждого из этих художников ощутим свой, индивидуальный подход к поэме. Он проявляется в выборе эпизодов, в передаче реалий эпохи, в трактовке образов главных действующих лиц и акцентировка заложенных в поэме идей дружбы, любви, героизма.

Так, в иллюстрациях С. Кобуладзе на первый план выдвинуты идеи дружбы и воинской доблести, художник подчеркивает высокий интеллектуализм образов Руставели, их мужественность. У Тоидзе и Джапаридзе на первом плане романтическая сторона произведения — их рисунки эмоциональны и лиричны. У Т. Абакелия, как и в недавно созданном новом цикле иллюстраций молодого художника Левана Цуцкиридзе, чувствуется стремление передать телесную красоту, гармоничность человека. Все это свидетельствует о бесконечных возможностях иллюстрирования «Витязя в тигровой шкуре»...

А разве не интересны попытки воссоздать образ поэта в скульптуре и живописи? Здесь и классический барельеф работы Я. Николадзе, бюсты В. Топуридзе и Л. Цомая, живописные портреты, принадлежащие кисти У. Джапаридзе, С. Мансашвили, Л. Гудиашвили и многие другие. В Тбилиси стоит памятник великому поэту, созданный К. Мерабишвили. Совсем недавно молодой скульптор М. Вардзенишвили закончил работу над памятником поэту.

Да, многие музы воспели Руставели и его гениальное детище. К славным образам обращались и музыканты. На сцене Тбилисского оперного театра звучала опера Д. Арамишвили «Сказание о Шота Руставели» и Ш. Мшвелидзе «Сказ о Тариэле». К 800-летию Руставели композитор О. Тактакишвили написал крупное музыкальное произведение на стихи поэта И. Абашидзе «Палестина. Палестина...», воспевающие образ Руставели. Готовится балет по мотивам «Витязя в тигровой шкуре», постановку которого осуществит Вахтанг Чабукиани.

Миниатюра Мамуки Тавакарашвили из рукописи поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

НИТИ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ

Здравствуй, Казахстан!

Радостно, как самых близких друзей, встретили алмаатинцы участников Декады украинской литературы и искусства в Казахстане.

Из Киева в Алма-Ату прибыло около трехсот гостей с берегов Днепра. Среди них — писатели М. Стельмах и Ю. Збанацкий, В. Козаченко и П. Воронько, В. Коротич и Н. Зарудный, В. Большак и другие. Возглавляет делегацию секретарь ЦК Компартии Украины А. Скаба. Вместе с ними приехал также украинский писатель из Канады Петро Кравчук.

Небольшими группами литераторы разъедутся по республике, выступят перед читателями в Караганде, Целинограде, Усть-Каменогорске, Чимкенте, Актюбинске и Гурьеве. С особым чувством ступили писатели Украины на казахскую землю: когда-то здесь ходил великий Тарас Шевченко, именем которого назван город, где нес тяжелую солдатскую службу гениальный поэт.

Давние узы дружбы связывают деятелей культуры двух братских республик. Нередко на театральных афишах перед именем украинского актера стоит звание «заслуженный артист Казахской ССР» — это напоминает о том, как в суровые годы войны Казахстан по-братски принимал эвакуированных артистов, художников, композиторов, писателей Украины.

В городах Казахстана будет дано свыше ста концертов, в которых примут участие народные артисты СССР Е. Мирошниченко, Б. Руденко, Л. Руденко, Н. Ворвулев, Д. Гнатюк, П. Кармалюк, народные артисты УССР Ю. Гуляев, О. Кусенко, М. Водяной, Ю. Тимошенко, Е. Березин и др. Открываются выставки произведений украинских художников и мастеров народного декоративного искусства, пройдет фестиваль украинских фильмов.

Позавчера состоялась беседа кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. Кунаева с участниками декады.

Открылся праздник 23 сентября в Казахском дворце спорта.

ВДОХНОВЛЯЮЩИЕ ВСТРЕЧИ

Как уже сообщала «Литературная газета», в г. Ульяновске проходят Дни литовской культуры, посвященные 50-летию Советской власти и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Наш корреспондент попросил члена писательской делегации Литвы прозаика А. Гудайтиса-Гузявичюса поделиться впечатлениями о празднике.

— Прежде всего,— сказал Александр Аугустович, — нас ни на минуту не покидает волнующее чувство: мы на родине Ильича, ступаем по той земле, по которой ходил юный Ленин... Мы много ездили по местам, связанным с именем вождя, были в доме, где родился и вырос Владимир Ильич.

Мы встретились с ветеранами-революционерами, борцами за власть Советов, с бывшими воинами, сражавшимися на фронтах Великой Отечественной войны.

Дни, проведенные на родине Ленина, духовно обогатили нас, заставили еще раз глубоко задуматься о высоком долге искусства, о гражданском назначении наших произведений. Для меня эта поездка имеет неоценимое значение. Дело в том, что я пишу роман о соратнике В. И. Ленина, первом председателе рабоче-крестьянского революционного правительства Литвы в 1918—1919 годах В. С. Мицкявичюсе-Капсукасе.

г. УЛЬЯНОВСК. (По телефону)

Среди новинок

АЛЬБЕРТИ Р. Стихи. Перевод с испанского. М., издательство «Художественная литература», 1966, 238 стр., 30 000 экз., 50 коп.

Стихотворному тексту сборника предшествует автобиография автора. Вот отрывок из нее:

«Я — Рафаэль Альберти, деды мои — итальянцы, дядя сражался вместе с Гарибальди, но бабки — обе андалуски. Фамилии у меня испанские, дальше некуда: я зовусь Санчес Бустаманте и еще Гомес в придачу... Я, Рафаэль Альберти, вечный испанец, изгнанник, начинаю, как многие, терять счет своим годам. Я прошу мира, кричу: мир! Светлого мира для всех, я вдохновляю мой народ и другие народы упорно сражаться и с бою взять мир...»

Альберти Рафаэль — лауреат Ленинской премии мира.

ГОРДИЕНКО Н. Зимняя повесть. Авторизованный перевод с украинского М. Демидовой. М., издательство «Советский писатель», 1966, 207 стр., 20 000 экз., 30 коп.

Страницы «Зимней повести» отражают трудовые будни колхозного села. Герои ее борются за научные методы ведения сельского хозяйства.

ДОЛЕНГА-МОСТОВИЧ Т. Карьера Нимодима Дызмы. Перевод с польского И. Фольк. М., издательство «Художественная литература», 1966, 308 стр., 50 000 экз., 1 р. 05 коп.

Восхождение молодого человека 20—30-х годов до ранга «великого человека» панской Польши происходит параллельно его моральному падению. Заняв высокое положение, герой произведения — надежда правящих сил — становится убийцей и вором.

ЖЕЛЕЗКОВА А., СЕМЕНОВА К. Парень из Шоршел. Авторизованный перевод с чувашского А. Кремлевского. М., издательство «Советский писатель», 1966, 184 стр., 30 000 экз., 35 коп.

Эту повесть о детских и школьных годах летчика-космонавта Андрияна Николаева написали К. И. Семенова — первая учительница героя и А. С. Железкова — его землячка.

КОТЕЛЬНИКОВ Б. Балтийская легенда. Повесть. М., издательство «Молодая гвардия», 1966, 144 стр., 65 000 экз., 29 коп.

«Балтийская легенда» — повесть о восстании революционных моряков крейсера «Память Азова» на Таллинском рейде 2 августа (20 июля) 1906 г. и восстании в крепости Свеаборг.

ПАВЛОВИЧ Н. Думы и воспоминания. М., издательство «Советский писатель», 1966, 147 стр., 10 000 экз., 20 коп.

Основа сборника — поэма «Воспоминания об Александре Блоке». В книгу вошли, кроме того, поэтические произведения, посвященные крупным писателям-современникам, и избранная лирика.

РУСТАВЕЛИ Ш. Витязь в тигровой шкуре. Перевод с грузинского И. Заболоцкого. Художник Л. Цуцкиридзе. М., издательство «Художественная литература», 1966, 302 стр., 30 000 экз., 2 р.

Памяти А. М. Еголина

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР состоялось заседание Отдела русской литературы, посвященное памяти члена-корреспондента Академии наук СССР Александра Михайловича Еголина. На заседание, устроенное в связи с 70-летием со дня его рождения, собрались научные сотрудники института, профессора МГУ и пединститутов, писатели, критики. С воспоминаниями о жизни и деятельности покойного выступили Д. Благой, Г. Абрамович, Н. Вельчиков, Г. Владыкин, У. Фохт, В. Новиков, Н. Твардохлебов, В. Кулешов, Н. Осьмаков, Н. Осетрова.

ВМЕСТО ПОЭЗИИ

З. ПАПЕРНЫЙ

МЫ ЖИВЕМ в эпоху заменителей — то и дело читаем в газетах о полиэтилене вместо кожи, о прессованной бумаге вместо металла.

Может быть, первое, что отличает действительно художественную литературу от техники, — отсутствие взаимозаменяемых деталей.

Для настоящего поэта нет синонимов. Он ищет единственное слово, которому нет замены. Доводит рукопись до такой окончательности, что из нее, как из песни, слова не выкинешь.

Кто знал С. Я. Маршака, помнит, как он бился над строкой, повторял ее, выверял на слух, просил почитать ему, чтобы послушать свои стихи со стороны.

Когда в редакцию приходила статья Маршака, сотрудникам, в сущности, делать было нечего: не то чтобы слово — запятую заменить никто не решался. Работа оставалась только для корректоров.

Однажды я застал Самуила Яковлевича за работой — перед ним лежал свежий номер «Литературной газеты» с его стихами и он правил их — что-то вычеркивал, вписывал. Сначала я не понял, что он делает. Ведь газета уже вышла.

— Все равно, — он ответил.—Не нравится мне. Хочу переделать.

Печатные строки под его пером снова превращались в черновик. Все начиналось сначала.

А как он страдал, обнаруживая в своих стихах или статьях опечатку. Он ощущал ее физически болезненно, как будто она была не на странице книги, а на его собственной коже — как ноющая ссадина, незаживающая ранка.

Его текст был частью его самого. Изменить что-нибудь в тексте без его ведома и согласия — все равно, что резать по живому.

Да и кто отважился бы хозяйничать в его текстах?

Казалось бы.

Но вот была написана опера по сказке-пьесе С. Я. Маршака «Кошкин дом». А. Лурье, человек, исполненный веры в свои творческие возможности, взялся — ни больше ни меньше — написать некоторые сценки за Маршака.

Тили-тили-тили-бом!
Театр наш ставит «Кошкин дом» —
Пьесу интересную
Автора известного.

С первых же строк слова расползлись и повернулись друг к другу боком.

Далее рассказчик выкрикивает:

Все места свои займите!
Проходите, проходите!
Девочка, быстрей, быстрей!
И ты, мальчик, поскорей!

Что можно сказать об этих стихах? Скорее они были бы уместны, если б их сочинили та самая девочка или тот самый мальчик, к которым они обращены.

Желая заинтересовать юных зрителей, рассказчик обещает:

Вы увидите, ребята,
И грачей, и поросяток,

(определенно, падежи мешают А. Лурье рифмовать)

И наседку, и свинью,
И котяток, и козу.

Можно спорить, насколько «свинья» рифмуется с «козой». Может быть, с точки зрения ультрасовременной поэтики это и допустимо. Но бесспорно одно: во всех этих стихах колоритно проступает манера пишущего, даже отдаленного отношения к С. Я. Маршаку не имеющая.

Стихотворный монолог рассказчика кончается словами:

А еще вам по секрету
Я скажу, что сказку эту
Мы начнем чрез пять минут —
Все артисты уже ждут.

Здесь, кажется, слова придавлены стихотворным размером: чего стоит одно только это сердешное «уже», потерявшее сходство с самим собой.

Случай со стихами «за» Маршака — особенно очевидный, до примитивности наглядный. Возникают и более сложные ситуации.

В первом номере «Звезды» за этот год в разделе публикации В. Разова напечатала одну из последних статей Маршака — «В чем бессмертие поэзии?».

Читаем: «Искусство, как и наука, — единственный в своем роде метод познания жизни».

Что-то не очень похоже на стиль Маршака. Оказывается, перед нами не оригинальный текст, а перевод его статьи с английского, при этом не слишком точный.

В тексте, опубликованном английской газетой «Дейли уоркер» (откуда и сделан обратный перевод), говорится, что искусство не «единственный», а полноправный метод познания жизни.

Вольно переведено и заглавие статьи. Вряд ли в духе С. Маршака широковещательное «В чем бессмертие поэзии?». В английском тексте статья названа — «Как сохранить жизненность поэзии в наши дни?». На этот вопрос и отвечал Маршак в своем интервью.

Почему редакция журнала не проверила точность перевода, предложенного ей В. Разовой?

Л. Рубинштейн напечатал один из вариантов рассказа С. Маршака «Замок Инчикунна» сразу в двух местах — в «Литературной России» от 19 августа с. г. и в «Детской литературе» (№ 8). Он тоже не изнурял себя проверкой. В результате он и две редакции заставляют С. Я. Маршака десять раз называть третий по величине город Ирландии Лимерик — «Лимерином».

А Самуил Яковлевич был в этом городе; как поэт отдал дань стихотворной форме, названной по имени города «лимериком».

Как видим, творческие импульсы проявляются у людей по-разному: одним хочется говорить от себя непосредственно, у других это желание осуществляется окольным путем, так сказать, с пересадкой.

Таким людям надо строго сказать: литература — дело сугубо индивидуальное: хочешь писать, не можешь молчать, — пиши, но только от себя лично, а не «за» и не «вместо».

И уж тем более — не за Маршака.

РЕПЛИКИ

НЕНУЖНАЯ ЗАТЕЯ

ЗОЛОТОЙ фонд литературы... Мы часто произносим эти слова, говоря о лучших, наиболее любимых и значительных книгах. Выражение это для каждого читателя наполняется глубоко личным содержанием. Существуют, разумеется, и объективные критерии лучшего, достойнейшего. Но понятно все же, что выражение «золотой фонд литературы» имеет характер обобщающий, а сам «фонд» не может быть ограничен «прокрустовым ложем». Было бы очень странно, если бы кто-нибудь вознамерился вдруг предложить некий «официальный» список «золотого фонда», состоящий из энного числа пунктов.

Итак, мы говорим — «было бы странно»... Но ведь инвентарный список книжного «золотого фонда», оказывается, существует! Он опубликован в №№ 20 и 21 газеты «Книжное обозрение». В нем обозначено 484 пункта. Заголовок гласит: «Золотой фонд». Список наиболее значительных произведений художественной литературы Советского Союза».

Качество исполнения этого списка вполне соответствует надуманности затеи. Взять хотя бы первый раздел — «Русская дореволюционная литература», в который почему-то не вошли многие из произведений русской классики, бесспорно являющиеся частью сокровищницы нашей литературы. Еще более произвольно составлены разделы, относящиеся к современной советской литературе.

Редакция «Книжного обозрения» предупреждает, что список «не является окончательным и будет уточняться», а также просит читателей «вносить свои предложения». Это, конечно, хорошо, поскольку все на свете имеет тенденцию к совершенствованию. Но беда в том, что, какие бы хорошие предложения ни вносились, качество уточненного списка не будет намного квалифицированнее нынешнего. По той простой причине, что неверна, вульгарна сама идея.

Велики завоевания русской классической литературы и классической литературы других народов СССР, славен путь, пройденный многонациональной советской литературой. И разве можно втиснуть все это живое, каждодневно служащее людям богатство в рамки бюрократических списков, в пункты и подпункты? Сколько бы ни «уточнялись» эти списки, они не в состоянии выразить всей полноты картины и не могут, следовательно, не порождать недоумений и нареканий.

Наша общественность готовится сейчас к IV Всесоюзному съезду писателей, на котором состоится большой, принципиальный разговор о состоянии и задачах современной советской литературы, о ее вкладе в духовную жизнь народа за 50 лет Советской власти, ее месте во всенародной борьбе за коммунизм. Не бестактно ли выглядит на фоне этих больших забот советских литераторов учинение некоего табеля о рангах? И можно ли регламентировать живой, развивающийся процесс современной литературы?

Разумеется, в разделах «Русская советская литература» и «Советская литература братских народов» названы достойные, пользующиеся известностью литераторы. Разумеется и то, что рекомендательные книжные списки — дело полезное и нужное. Существует разумная практика обмена списками для информации, для возможного взаимного пополнения знаний и сведений о литературах братских народов и стран.

Но, как известно, в непомерном рвении можно довести до нелепости любое здравое начинание. «Золотой фонд», предложенный «Книжным обозрением» для советских читателей в качестве, так сказать, официального перечня «наиболее значительных произведений художественной литературы Советского Союза» — еще одно подтверждение этой истины.

ОН ГОВОРИЛ МИРУ «ДА»!

Екатерина ТОЛСТАЯ, Арман ЛАНУ (Франция)

ЕСЛИ не считать эрудитов, то французы «открыли» Руставели лишь после того, как «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Серго Цуладзе был опубликован в серии «Кавказ», которая выпускается в Париже по инициативе ЮНЕСКО. Вместе с запахами шашлыка на шампуре, шафрана, шкур диких зверей, горных баранов, греющихся на солнце, эта книга принесла могучее дыхание литературы буйной и нежной.

«Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, «Эр-Тоштюк» и нартские сказания, изданные в той же серии, одновременно, обладают сходными чертами в глазах жителей Запада: их облик, разумеется, определен эпохой, но это облик конкретной земли и конкретного народа — национальный вариант некоей огромной общей основы. Неутомимые воины-победители, обагренные кровью побежденных, перед лицом избранницы внезапно превращаются в трепетных влюбленных.

Эти грандиозные саги, чьи истоки и содержание уже во времена Руставели были легендарными и, пользуясь ходячим выражением, теряются во мраке веков, по духу своему приближаются к сказкам «Тысячи и одной ночи», так же как они сродни поэзии трубадуров и труверов. Восток переплетается с Западом.

Перед нами возникают великие восточные празднества, сверкают сокровища, искрятся в свете луны и под лучами солнца драгоценные одеяния и доспехи, в фантастической скачке проносятся кони, разворачиваются тысячелетние сражения между добром и злом, идет гигантский бой между тем, что есть в человеке хорошего, и тем, что в нем есть дурного,—бой, который продолжается поныне, хотя и в иных формах.

До выхода в свет этого капитального издания плохо информированный Запад был склонен считать Грузию, Осетию, вообще Кавказ — краем, запоздавшим в своем развитии. Но это совершенно не соответствует действительности. «Витязь в тигровой шкуре» создан в XII веке. Таким образом, его автор Шота Руставели — современник провансальского трубадура Бернарта де Вентадорна, жившего при дворе Элеоноры Аквитанской, и Кретьена де Труа, автора романов «Ланселот, или Рыцарь телеги», «Иван, или Рыцарь льва», «Персеваль». Поразительна параллель между «Витязем в тигровой шкуре» Руставели и «Рыцарем льва» Кретьена де Труа.

На юге Франции «да» звучит как «ок», на севере — «уй».

В Тбилиси Шота Руставели научит нас, как говорить миру «да» по-грузински.

ПАРИЖ. (По телеграфу)

РУСТАВЕЛИ — ПРЕКРАСНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК

Джеймс ОЛДРИДЖ (Англия)

ЕВРОПЕЙСКИЕ почитатели великого Шота Руставели всегда считали его выдающейся исторической личностью. В предисловии к большинству английских переводов «Витязя в тигровой шкуре» говорится: «Можно было бы ожидать, что величайшие художественные произведения народа, жизнь которого была непрекращающейся борьбой за сохранение христианского «моста» между Азией и Европой, будут проникнуты ортодоксальными идеями. Однако для Шота характерен не фанатизм, а свободомыслие...»

Все богатство своего внутреннего мира гениальный Шота воплотил в истинно грузинском эпическом произведении.

В своей поэме «Витязь в тигровой шкуре» он выразил взгляды просвещенных грузин своего времени — граждан маленького независимого государства.

Поэма не теряет актуальности и в наши дни. Шота читаешь так, словно он был гуманистом и романтиком XIX века. Как человек и писатель он жаждал торжества справедливости, мечтал о гармоническом общественном строе, воспевал любовь, дружбу, самопожертвование, мужество, братство людей. Его герои вовсе не идеальны, но они решительно действуют во имя самых высоких целей.

Шота был прекраснейшим человеком своего трудного времени, поэтому в его эпической поэме так много ценного и для нас. Финал «Витязя в тигровой шкуре» не просто счастливый конец. Поэма кончается уверенностью в лучшем будущем для всех.

Два героя становятся правителями государств, и в 1571-м стихе Шота рассказывает о будущем их стран: они ко всем одинаково справедливы и милосердны, заботятся о сиротах и вдовах, и бедняки не просят милостыни. Они карают злодеев, овцы могут спокойно кормить ягнят, а козы и волки пасутся бок о бок в полном согласии.

Для XII века это был весьма оптимистический взгляд на жизнь, и, оценивая поэму с позиции сегодняшнего дня, мы безусловно можем отнести Шота Руставели к числу тех, кто хочет покончить с эксплуатацией, добивается свободы для всех народов, борется с сеятелями зла, которые все еще пытаются запугать людей и заставить их покориться.

ЛОНДОН (АПН, специально для «Литературной газеты»).

ГЛАЗАМИ XX ВЕКА

Эрнст ГЕНРИ

XII ВЕК. Над земным шаром стелется густой мрак. Все в мире в беспорядке. Человечество не знает, как быть. Войны, междоусобицы, грабеж на больших дорогах, повальные болезни. Кровь, разбой и несправедливость повсюду, где живут люди. Философы и астрологи предсказывают новые бедствия. По улицам городов шествуют процессии монахов с низко опущенными головами, призывающих людей к покаянию и отречению от мирских утех. Современнику кажется, что выхода нет, история завершается. Завтра, быть может, наступит конец.

Люди по-прежнему собирают урожай, празднуют свадьбы, гуляют на ярмарках. Но тучи сгущаются. Во всех странах Европы происходит одно и то же. Здание феодального общества, построенное полтысячелетия назад на развалинах старой Римской империи, колеблется. Каждый класс этого общества в ссоре с другим. Все боятся и подозревают друг друга.

Папа римский плетет заговоры против королей, короли нажимают на владетельных графов и герцогов, графы, герцоги и подвластные им рыцари грабят крестьян и горожан. В городах идет борьба между ремесленниками и богатеями-патрициями: купцами, домовладельцами и ростовщиками. Вокруг каждого замка, каждого города — распри и стычки. Военные раздоры переходят в политические и наоборот. Гвельфы, партия папы, сталкиваются с гибеллинами, партией германского императора. Каждая феодальная партия обвиняет другую в смертных грехах.

Повсюду снуют соглядатаи. Тут и там горят костры, на которых живьем сжигают людей — еретиков и ведьм, сыновей и дочерей дьявола. На казни с любопытством взирают благородные дамы в усыпанных жемчугом нарядах, кавалеры в драгоценных доспехах, доктора наук в остроконечных шапках. Средневековое общество блестит, сверкает — и ждет гибели.

Международная напряженность достигла крайнего накала. Вдобавок к непрестанным обычным войнам, ведущимся между отдельными странами и враждующими династиями, начались мировые конфликты, угрожающие охватить целые континенты: крестовые походы европейских королей против властелинов Востока. По всем дорогам движутся войска. Короли объявляют, что намерены утвердить на земле христианские идеалы любви и всепрощения, отвоевать гроб господень в Иерусалиме и покарать всех неверных. Султаны и шахи отвечают, что аллах велик и Магомет его пророк, не худо бы вырезать всех христиан. Режут и те, и другие.

Европа в смятении. С юга к ней приближаются турки-сельджуки, разгромившие византийцев в Малой Азии и пробивающиеся к Средиземному и Черному морям. С далекого востока скоро начнут двигаться степные монголы, возглавляемые человеком по имени Чингисхан. Еще ближе, уже на самой европейской территории, хищничают половцы и печенеги, не оставляющие после набегов камня на камне. На другой стороне континента арабы по-прежнему занимают немалую часть Испании. Мирное сосуществование между христианским Западом и мусульманским Востоком кажется немыслимым. В то же время кровопролитные распри продолжают раздирать Европу изнутри.

Наглее всех ведут себя германские князья, стремящиеся к военному господству над всей Европой. Их государство называется «Священной римской империей германской нации», простирается от истоков Рейна до Дуная и Адриатического моря и уже включает в себя куски Франции, Бельгии, Италии и Польши. Немецкой империей правит рыжебородый Фридрих Барбаросса, наводящий страх на всю Европу. Он грозит Италии и Византии, ведет холодную войну с папой римским и шлет войска против султана Саладина. Его солдаты жгут города и опустошают целые страны. Острие германской империи начинает заостряться на восток. Готовится учреждение ордена меченосцев, который захватит Прибалтику, возмечтает завоевать Польшу и земли русских.

Европа дымит от крови. Исступленные немецкие князья и рыцари не дают ей покоя. Новое страшное оружие — порох — еще не выдумано, оно появится два века спустя, но убивать можно сколько угодно и обычным оружием — мечами, копьями, топорами. Завтра на другой стороне горизонта вырастет тень полчищ наследников Чингисхана на быстрых, неутомимых конях. Мир ждет. Атмосфера страха и уныния стала привычной. Западная литература и искусство следуют духу времени. Почти все писатели, поэты, философы — на поводу у религии — клянут век и судьбу людей.

Еще далеко до Шекспира с его поставленным перед человечеством вопросом: быть или не быть? Нет еще Данте с его «Божественной комедией» — картиной греховного, затравленного мира, томящегося в преисподней: великий флорентинец придет век спустя. Нет основоположника английской литературы Чосера, великого художника Джотто, гениального естествоиспытателя Роджера Бэкона, венецианского путешественника Марко Поло, чешского реформатора Яна Гуса. Все они потом появятся на сцене, подымут бурю в средневековом мире и начнут колебать основы феодального общества. Еще раньше в больших городах закрепятся и окончательно пустят корни только что возникшие университеты, первые рассадники науки. В Англии на больших дорогах зазвучат народные баллады о бунтаре-разбойнике Робине Гуде. В Чехии и Германии начнут пробуждаться от тысячелетнего рабского оцепенения крестьяне. Эпоха Возрождения, время Леонардо и Рафаэля, не за горами. Но пока еще век повинуется тем, для кого слова «свобода», «разум», «права человека» — мысли сатаны.

Духовной жизнью Европы командует один человек — упивающийся манией величия папа Иннокентий III. Римский первосвященник мечтает подчинить себе всех королей, графов и рыцарей, сделав церковную аристократию правительством мира. Он заявляет, что папская власть подобна солнцу, а светская, императорская власть — луне, светящей отраженным солнечным светом. Политика Иннокентия опирается на доктрину potestas clavium («власть ключей»), согласно которой Христос передал церкви право «вязать и решать людей» и теперь даже бог не может изменить ее решения: отдав церкви мир, он уже не может сам себе противоречить.

Ключи — в карманах ненасытных и беспощадных вельмож в рясах. Миру предписывается смиренно жить на коленях, ожидая Страшного суда. Испанский священник Доминик готовится к созданию ордена «божьих псов» — доминиканцев, которым папа поручит ведать делами инквизиции. На знамени доминиканцев изображены псы, разрывающие тела еретиков. Их идеолог Фома Аквинский будет учить: всякое познание — грех, если только не имеет целью познание бога.

Так велят думать. Знание — грех, разум — под строгим запретом. Христианство, некогда религия рабов, выродилось в террористическую классовую полицию феодальной олигархии. Церковь готовится запретить всем, кто не принадлежит к духовенству, чтение библии. За малейшее отступление от религиозных правил грозят вечным огнем. Но за деньги можно купить «индульгенции» — билетики, отпускающие любой, даже будущий грех по определенному тарифу. Имущество сожженных на кострах передается тем, кто сжигал. Папа становится крупнейшим банкиром Европы, епископы, кардиналы, настоятели монастырей — богатейшими землевладельцами и крупнейшими ростовщиками.

Горечь наполняет сердца тех, кто думает о судьбе своей страны, своего народа. Из далекой, занесенной снегами Руси, где князья Рюриковичи без устали враждуют между собой и куда скоро придут с огнем и бичом татары, слышатся строфы только что созданного «Слова о полку Игореве»: «по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собою деля... Черная земля под копытами костьми была посеяна, кровью полита; горем взошли они по Русской земле». И хотя у владимирского великого князя Всеволода Большое Гнездо столько ратников, что они могут «Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать», порядка все еще нет: стон стоит на Руси.

Таков мир XII века. И где-то в горной расщелине этого измученного, объятого страхом мира — Грузия.

У ГРУЗИН в это время еще более опасная география, чем у жителей Западной и Восточной Европы: они на самом краю «христианской» цивилизации. Хотя с севера, за их спиной, — непроходимый Кавказский хребет, с юга перед ними бушует грозное море наступающего мусульманского мира. Грузины, так же как и их соседи армяне, зажаты в ловушку: отступать некуда. Внутри же государства спокойствия нет. Над всем довлеют нескончаемые кровавые резни князей.

Солнце заливает долины этой сказочной по красоте страны. Ее люди сами как бы выращены этим солнцем. Они жизнерадостны и поэтичны, мало кто умеет так весело смеяться, как они, природа щедрее и ласковее к ним, чем к многим другим народам. Но век неумолим и к ним.

Их так мало, что любой враг с большим войском считает их легкой добычей. Международная политика в XII веке не благоприятствует странам вблизи Черного и Каспийского морей. Еще вчера вся восточная Грузия со столицей Тбилиси была захвачена турками-сельджуками, западная Грузия и Абхазия платили дань. Сельджуки жгли, разрушали крепости и монастыри, уводили в неволю население. Некоторые из своекорыстных князей вступали с ними в сговор. Казалось, что выжить Грузия не может, что уже через несколько лет все будет кончено и поэтическая страна солнца будет затоплена морем врагов, исчезнет, как исчезли когда-то воспетые Гомером маленькие государства эллинов.

Каким-то чудом, напрягая все силы и волю, грузины все же выдерживают неравную схватку. Сельджуки вытеснены, Тбилиси освобожден, страна воссоединена, и теперь, во второй половине XII века, людям кажется, что наконец наступила пора мира и расцвета. Но это только короткая передышка. Еще несколько десятилетий, и Грузия снова закружится в бешеном азиатском водовороте. Вся восточная часть страны будет опять захвачена, на этот раз пришедшими с другой стороны Каспийского моря полчищами монгольских ханов. Времени для мирной жизни осталось немного. И в эти дни, на пороге нового страшного кризиса для средневекового Закавказья, оттуда слышится свежий, удивительно звонкий и бодрый голос, такой, какого в то время не слышно во всей Европе, — голос поэта Шота Руставели, служащего при дворе грузинской царицы Тамар.

Руставели, вероятно, не бывал в Риме, не учился в Сорбонне, не глядел на памятники эллинского искусства в Афинах. Но этот грузин, живущий в тысячах километров от центров европейской культуры, чувствует приближение эпохи Возрождения, как, может быть, никто из его современников. Он ничего не боится. Его поэзия — вызов мрачной мистике средневековья. Он и не думает скрывать, что он — на стороне человека и солнца.

О силе его поэзии напишут в эти дни другие. Меня интересует сила его идеологии. Только на фоне политической действительности его времени, глядя сквозь призму социальных и международных отношений XII века, можно по-настоящему оценить эту силу.

В дни, когда в «христианском» мире писателю нельзя вслух говорить ни о чем, не затеняя все мыслью о приближающемся Страшном суде и божьей каре, Руставели громко говорит о стремлении людей к земному счастью и радости. В эпоху, когда Европа освещена кострами инквизиции, он пишет о добре, разуме и справедливости. Он не склоняет голову перед властителями другого континента, с которым Грузия связана еще теснее, чем с Европой, — Азии. Шахи и султаны восточного мира требуют от литературы изуверского фанатизма и рабского подобострастия. Стихи Руставели дышат духом свободы и непокорности.

Другие поэты плачут и вздыхают. Юродивые прорицают, философы в кельях и башнях из слоновой кости кладут поклоны. Руставели зовет в атаку:

К цели надо нам идти упорно...
Не пристало человеку пред
судьбой склониться черной...

Разве муж, кто перед боем,
в тыл бежав, трепещет, жалкий,
И не может в час сраженья
побороть гнетущий страх?..
Лучше смерть, но смерть
со славой, чем бесславных дней
позор.

Церковь учит, что человек — ничто: пусть извивается, как червь. Руставели возвеличивает человека: царь он, если не боится судьбы и произвола. И в дни, когда Европа и Азия раздираются войнами, междоусобиями, крестовыми походами, Руставели, первый в мировой литературе, вместе с Низами выступает за дружбу народов. Один из трех побратавшихся друг с другом героев его поэмы — араб, другой — индиец, третий — человек из царства Мульгазанзари. Плечом к плечу они борются с произволом и побеждают.

Дух Руставели несовместим с унынием и пессимизмом. Грузинский характер? Нет, не только.

Руставели действительно воплощает в себе лучшее, что есть у грузин. В таких людях, как он, была, есть и будет подлинная сила Грузии. Но в то же время этот грузинский поэт — гуманист мирового масштаба. В его время не было революционеров. Но если противопоставить Руставели самых известных и могущественных из его современников на вершине феодальной лестницы — Иннокентия III, Фридриха Барбароссу, Ричарда Львиное Сердце, Чингисхана, Доминика и других, то его поэма вправе считаться революционной. Недаром даже во второй половине прошлого, XIX века грузинский католикос Антоний приказал сбросить его книгу в реку Куру.

Руставели опередил гениальных художников эпохи Возрождения на два с половиной столетия. Он уже полон того «жизнерадостного свободомыслия», о котором, касаясь этой эпохи, писал Энгельс. От нас его отделяют восемь веков. Общество, в котором он жил, кануло в вечность. Но он несравненно ближе нам, чем многие из наших современников, в лицах которых мы явственно узнаем черты феодальных политиков и милитаристов. И сам он по духу ближе к нашему веку, чем к средневековью. Он наш.

Пройдут еще два века, и люди будут праздновать его тысячелетие. Мир станет неузнаваем, человеческие отношения изменятся коренным образом, литература будет говорить другим языком и мыслить новыми образами. Но гуманист из страны солнца останется на вершине своей славы.

ТАЛАНТ И ТРУД

К 70-летию Мао Дуня

МАО ДУНЬ принадлежит к старшему поколению современных китайских писателей. За полвека напряженной работы он испробовал свои силы почти во всех жанрах, но главное в его творчестве — художественная проза. Трилогию «Затмение», романы «Радуга», «Перед рассветом», «Распад», повесть «Путь», рассказы «Лавка Линя», «Комедия», «Вторая глава» критика и читатели справедливо относят к числу лучших произведений современной китайской прозы.

Мао Дуня-прозаика неизменно привлекают социальные проблемы. Писатель стремится пробудить ненависть к старому обществу, к эксплуатации и духовному порабощению человека. В этом Мао Дунь продолжает традицию Лу Синя. В романе «Перед рассветом» он обличает мир наживы и произвола, мир фабрикантов, компрадоров, ростовщиков, которые живут и принуждают других жить по волчьим законам капитализма. В «Распаде» Мао Дунь показывает гнусные преступления «специальной службы» — тайной политической полиции гоминдана, перенявшей методы гестапо и пытавшейся держать народ в подчинении с помощью террора, средневековых пыток, доносов и слежки. Но критика и обличение не уводят Мао Дуня от верного понимания исторической перспективы. Писатель не забывает, что есть мужественные, честные, преданные революции люди. Это коммунист Лян Ган-фу в романе «Радуга», Чжао и его друзья-подпольщики в романе «Распад» и другие.

В изображении своих героев Мао Дунь делает акцент на выявлении и раскрытии их социальной природы, стремится прежде всего к созданию социального типа. Это тоже особенность творческой манеры Мао Дуня, что, впрочем, вовсе не означает отказа от углубленного проникновения в психологию, во внутренний мир героя.

Какой бы мрачной ни была китайская действительность в период господства чанкайшистской клики, Мао Дунь верил в то, что китайский народ добьется национального и социального освобождения. Сцены крестьянского восстания и стачки шанхайских текстильщиц в романе «Перед рассветом», рассказы, составившие «Деревенскую трилогию», говорят о том, что писатель связывал надежды на будущее Китая с революционным рабочим классом, с поднимавшимся на борьбу крестьянством.

Значителен вклад Мао Дуня и в распространение в Китае прогрессивной литературы других народов. В одной из его статей есть такие слова: «Шедевры мировой литературы — это тоже наше драгоценное литературное наследство. Мы должны изучать его». И это не просто декларация, а убеждение Мао Дуня, который не мыслил успешного развития новой китайской литературы без освоения опыта и традиций мировой литературы.

В статье «Почему мы любим произведения Гого» (1952 г.) он писал: «Говорят, будто бы китайский народ отбрасывает всю культуру Запада. Это нелепая клевета... Китайский народ готов обмениваться опытом в области культуры с народами всех стран мира и путем культурного обмена добиваться еще лучшего взаимопонимания. Мы дорожим прекрасными традициями отечественной культуры и вместе с тем дорожим прекрасными традициями культуры других наций».

Мао Дуню принадлежат переводы из Мопассана, Метерлинка, Петефи, Стефана Жеромского. Он занимался также исследованием творчества таких писателей, как Флобер, Байрон, Ромен Роллан, Сенкевич, Бернард Шоу, Ибаньес.

Особое внимание как переводчик и критик он всегда уделял русской классической и советской литературе. Уже среди ранних его работ — переводы «Живого трупа» Толстого, рассказов Чехова «Ванька» и «Клевета». Позже появляются работы о Гоголе, Чехове, Толстом, Достоевском.

Одним из первых Мао Дунь начинает знакомить китайских читателей с литературной жизнью Советской России. В 1924 году, например, была опубликована его небольшая статья о Маяковском. В 40-х годах Мао Дунь переводит (с английского) ряд произведений советской литературы и среди них «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Сын полка» В. Катаева, «Русский вопрос» К. Симонова, рассказы Е. Петрова, Н. Тихонова, Л. Соболева, В. Кожевникова. Примечательна оценка роли Горького для китайской литературы, данная Мао Дунем в одной из статей. Он пишет:

«...Путь новой китайской литературы — это путь реализма. Факторы, формировавшие реалистическую китайскую литературу, не сводятся к чему-то одному. Все нужно учитывать — прекрасные традиции китайской литературы и влияние европейской классики. Но влияние Горького, несомненно, следует рассматривать как самое непосредственное и самое сильное». Мао Дунь призывает собратьев по перу неустанно учиться у Горького художественному методу, мастерству, высокой гражданственности.

Столь же высоко оценивает Мао Дунь и творческий опыт советской литературы в целом, ее воспитательное воздействие и мировое значение: «Без всякого преувеличения можно сказать, что советская литература, обладающая великими идеалами и чувствами, богатая опытом, поднимается к новым вершинам мирового художественного творчества... Народы всех стран черпают в советской литературе духовные силы для борьбы за свое освобождение, для строительства новой жизни. Именно поэтому китайский народ питает столь глубокую признательность к советской литературе, считая ее лучшим учителем и верным другом!»

Имя Мао Дуня давно знают в нашей стране. Его произведения не раз издавались на русском языке и других языках народов СССР. Творчество Мао Дуня привлекает внимание и советских исследователей.

Факты эти говорят о том, что советские люди с интересом и уважением относятся к творчеству Мао Дуня — в прошлом одного из пионеров современной китайской литературы, а ныне видного ее представителя. Вместе с тем эти факты свидетельствуют о дружеских чувствах, которые всегда питал и питает советский народ к китайскому народу и его культуре.

В. ПЕТРОВ

ИХ НРАВЫ

СТОП! МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ТРАГЕДИЯ, о которой американцы узнали из утренних газет 19 сентября, разыгралась в роскошной загородной вилле неподалеку от Чикаго. Ее владелец — крупный промышленник Чарльз Перси, выставивший свою кандидатуру на пост сенатора США от штата Иллинойс. В ту ночь двадцатилетняя дочь Перси была найдена мертвой у себя в постели. В заключении окружного следователя, который расследовал убийство на месте преступления, говорится: «Валери Перси получила 14 ран, десять ударов в левую часть головы, две ножевые раны в грудь, две раны в полость живота, тяжелый удар тупым предметом по голове... Очевидно, смерть последовала в результате тяжелого ранения головы». Как сообщают чикагские газеты, убийца бесследно скрылся. Мотивы преступления неясны.

...Несколько месяцев тому назад американский журналист Ллойд Ширер выступил со статьей, озаглавленной: «США — нация запуганных женщин». Вот что он писал: «Положение угрожающее, возмутительное. Американской женщине любого возраста нет спасения нигде. На нее нападают в лифте, ее убивают в метро, на пляже, по дороге из церкви домой, в ярко освещенных прачечных, в людных торговых центрах, в городских небоскребах, на улицах городов и в роскошных загородных виллах».

Не один американский президент за последние два десятилетия объявлял о своей твердой решимости покончить с насилием в стране. А результаты? Статистика говорит, что только в Нью-Йорке происходят два убийства и четыре изнасилования за день, одно крупное преступление каждые три минуты. Семьдесят процентов преступников — молодые люди не старше 21 года. США вынуждены признать, что они не в состоянии оградить население, и в особенности женщин, от преступников, которые превратили американские города в джунгли, где люди дрожат от страха за свою жизнь.

Но далеко не все в Соединенных Штатах чувствуют себя несчастными в этой ситуации. Взгляните на фото этих замысловатых предметов. Мы перепечатываем его из еженедельного приложения к газете «Чикаго сан-таймс». Это орудия самозащиты в случае неожиданного нападения, ценой десять долларов каждое. Ручные «фонарики» в виде дубинок, сирены, рев которых разносится на 3 мили... «Промышленники, производящие приспособления для самозащиты, обогащаются на продаже этих предметов, пользуясь все возрастающей истерией страха», — писал Ллойд Ширер в статье «США — нация запуганных женщин».

На другом снимке, из нью-йоркской газеты «Дейли ньюс», мы видим переносную тумбу с надписью: «Стоп. Место преступления. Идет расследование. Держаться подальше».

Сколько таких плакатов расставлено по всем Соединенным Штатам!

ХРОНИКА

Для участия в торжествах по случаю столетней годовщины со дня рождения Герберта Уэллса в Англию выехал писатель Ю. И. Нагарницкий.

Е. Н. ВЕРЕЙСКАЯ

Советская литература понесла горестную утрату. Умерла старейшая детская писательница Елена Николаевна Верейская. Замечательный товарищ, человек широкой души, живого юношеского восприятия жизни, она всегда была полна творческих замыслов. Более полувека талант ее помогал воспитанию наших детей. Книги ее были желанны в каждом доме, где раздавались ребячьи голоса. Несколько поколений увлеченно читают и перечитывают ее замечательную книгу «Таня-революционерка», книгу, переведенную на многие языки.

Рассказы Елены Николаевны вошли в золотой фонд литературы для детей, стали хрестоматийными. Книги Е. Н. Верейской «В та годы», «Горничная Маша» и другие для многих юных читателей впервые открыли замечательную страницу истории русского рабочего движения. Повесть «Три девочки» — о подвиге Ленинграда в дни блокады — одна из любимых книг наших школьников.

Все, кто знал Елену Николаевну, навсегда сохранят память об этом прекрасном человеке.

Правления Союза писателей РСФСР и Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР

Правления Союза писателей СССР и Союза писателей Туркменской ССР с прискорбием извещают о скоропостижной кончине заместителя председателя правления Союза писателей Туркмении, критика и литературоведа Вайрама ВЕЛЬМУРАДОВА и выражают соболезнование родным и близким покойного.

Правление Союза писателей СССР, правление Союза писателей Российской Федерации и Тульское отделение Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием извещают о кончине одного из старейших писателей, личного секретаря Льва Толстого, члена ревизионной комиссии правления Союза писателей РСФСР ВУЛГАКОВА Валентина Федоровича и выражают соболезнование родным и друзьям покойного.

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-58-17, внутренней жизни — К 4-06-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-33, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ИН.ГКС 50067. Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. В—01007.

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).